

ПЕТР ВАНГВИН

Заморзало
путь домой
БЫКИ

16+

Зимопись

Петр Ингвин

Зимопись. Путь домой. Буки

«Автор»

2020

Ингвин П.

Зимопись. Путь домой. Буки / П. Ингвин — «Автор»,
2020 — (Зимопись)

Предпоследняя книга цикла "Зимопись. Путь домой", продолжение цикла "Зимопись". Сага о любви, верности и долге, завернутая в щекотливые приключения с провокациями на темы семьи и политики. Герой проходит путь от подростка-максималиста, у которого на все имеется ответ, до задумавшегося о жизни взрослого. Дизайнер обложки: Галина Николаиди.

© Ингвин П., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Цикл «Зимопись. Путь домой», книга вторая	5
Глава 2. Новая сила	12
Глава 3. Демоны	19
Глава 4. Лагерь	27
Глава 5. Переправа	33
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Петр Ингвин

Зимопись. Путь домой. Буки

Цикл «Зимопись. Путь домой», книга вторая

Глава 1. Пленение

Мы быстро двигались к крепости.

«Разговаривать запрещено. Допускаются просьбы, связанные с жизнедеятельностью, и жалобы на здоровье. Ответ действием, бездействием или отложенным действием – на усмотрение конвоя». Так нам объявили при поимке. Сейчас нас везли по дороге, меня – лежавшим со связанными конечностями поперек коня у одного из царберов, Зарине предоставили собственного коня, но под уздцы его вел другой царбер. Еще восемь конных и пеших солдат в желтых плащах во главе с децибалом охраняли со всех сторон. Позади ехала телега с припасами и разобранным шатром.

Удача, которую мы так долго держали за хвост, в конце концов нас покинула. Наверное, мы слишком на нее положились, расслабились, почувствовали себя всемогущими и неуязвимыми. Так бывает с людьми, вообразившими себя умнее всех. Везение – вещь хорошая, но рассчитывать на нее не стоит, она дама непостоянная, поматросит и бросит, как нас на «плохом месте».

Сколько мы ни замечали следы, а главного не заметили – наш путь лежал обратно к темному дому, преследователи поняли это давно. Пока одни из них, скрупулезно выискивая каждый след, шли по пятам через леса, болота и колючие кусты, другие ждали в конечной точке – у темного дома. Царберы не учли одного: нам нужен был не сам темный дом, а поселок Онавсюв, вернее – родник за поселком. До него мы добрались без проблем, во тьме пересекли дорогу, обошли жилье широкой дугой и, проползая через колючки, к рассвету оказались в нужном месте.

Когда черноту неба раскрасило в лиловый и оранжево-сиреневый, я нашел оставленный Маликом знак. От поселка к роднику через колючки вела тропинка, дальше располагалось нагромождение камней, на которые, теоретически, можно было забраться, если не бояться свернуть себе шею. Один из камней, самый неприступный, возвышался метров на восемь – уже не камень, а, практически, скала. Сверху, наверняка, открывался чудесный вид на окрестности. Другое дело, что из любой точки тоже увидят того, кто заберется на вершину – потрескавшуюся, частично осыпавшуюся, грозившую рухнуть. Мне почему-то подумалось, что высшая точка – это и есть место перехода между мирами. То ли что-то замерцало в тот миг над скалой, то ли мне хотелось там что-то увидеть и подсознание подкинуло картинку желанного неясного марева, то ли оптическая иллюзия действительно существовала, но именно как иллюзия, то есть следствие утреннего тумана или еще чего-нибудь. Между камней росло единственное дерево, и на нем недавно кто-то вырезал с северной стороны два треугольника. О том, кем был «кто-то», можно не упоминать. Я, как договорено, отсчитал от знака пять больших шагов, там оказался камень, на нем – метка с указанием вперед, и уже под соседним камнем, я нашел вещи и оружие Малика.

У него все получилось. Он переместился. Иначе вернулся бы за вещами.

Вещи и оружие в схроне принадлежали только Малику, ничьих других не было. Значит, он находился далеко, когда его команда попала в засаду. Наверное, в то время он шел к нам с дядей Люстиком или от нас, и это спасло ему жизнь. «Если останусь жив, – вспоминались его

слова, – вернусь с помощью. Вы, главное, дождитесь меня живыми и здоровыми, большего не требуется. Я не собираюсь задерживаться».

Если получилось у него, получится и у нас. Чтобы Малик понял, что мы отправились следом, я уложил в яму свою кольчугу и стальной меч Зарины.

Полнолуние давно прошло, и если оно играло некую роль в процессе перемещения, то для экспериментов нам придется остаться на пару недель или уйти, чтобы вернуться позже. Я, как всегда, надеялся на лучшее.

– Малик уже дома. Надо торопиться, скоро совсем рассветет, и нас могут увидеть.

– Нужно влезть туда? – Зарина повернулась к верхушке скального выступа.

Странно, ей на ум пришла та же мысль, что и мне. Наверное, неспроста. Интуиция. Возможно, все в мире взаимосвязано гораздо больше, чем нам кажется.

– Разденемся и спрячем одежду с оружием здесь, – я указал на лежавшие в яме вещи Малика. – Когда вернемся, они могут пригодиться.

«Когда». Нужно было сказать «если». Есть огромная вероятность, что несмотря ни на какие возможности и соблазны мы с Зариной сюда не вернемся. С Маликом я поговорю, чтобы спасал Шурика и дядю Люсика, но не устраивал побоища ради смещения Верховной царицы. Для всеобщего счастья нужна эволюция, а не революция, пролитая кровь никогда не делала людей счастливее.

А если мы все же вернемся...

От Святого причала добираться сюда несколько дней – это если без проблем в пути, спокойно, без хвоста из преследователей. Проявившись в этом мире, можно сразу двигаться предгорьями и лесами в сторону темного дома, в дороге питаться подножным кормом, а здесь придется и вооружиться.

– Я отойду на минутку. – Зарина шагнула в кусты.

Дзиннннн! – порвал предутреннюю тишь дребезжащий звон.

Зарина застыла на месте, ее обращенные на меня глаза округлились, губы приоткрылись в безмолвном крике отчаянья.

Звук колокольчика разнесся далеко и был слышен всюду – и в поселке, и за ним, и, наверное, даже в темном доме. На обоих постах его точно слышали.

«Вокруг темного дома установлены растяжки, – вспомнилось предупреждение. – Убранная с пути веточка или незамеченная на проходе тонкая нить могут освободить язычок спрятанного колокольчика...»

– Бежим! – Я завалил схрон и бросился к подножию высокого камня.

Зарина осталась на месте. Она смотрела в сторону поста – оттуда к нам неслись всадники в желтых и красных плащах.

Так мы попались. Нас обезоружили, святые сестры опознали Зарину, удостоверили ее личность перед солдатами царицы и вернулись на пост. Царберы, скрутив мне руки и ноги, повезли нас в крепость.

Утешало одно: Малик жив, и он может нам помочь. Если успеет.

Не успеет. Он не знает, что мы в плену. Я сам оставил в схроне свою кольчугу и стальной меч Зарины – наши самые ценные вещи. Для Малика это будет значить, что мы отправились следом. Но он отправится искать Шурика и дядю Люсика, заодно может обнаружить нас.

Опять я перекладываю свои проблемы на плечи мифического «дяди», который придет и все за меня сделает. Малик – это шанс, но шанс почти невероятный, такой же, как одновременное попадание молний в каждого из десяти конвоиров, причем мы с Зариной в этом аду должны остаться живыми.

Я думал, как сбежать, а царберы делали все, чтобы этого не случилось. Ночевки в пути проходили вне населенных пунктов и построек, башни и цекады мы проходили не останавливаясь, для сна к ночи выставлялся легкий шатер, под которым половина царберов спала

вокруг меня и Зарины, а вторая половина бдительно несла службу. На ночь меня развязывали, но на лодыжку крепили металлический браслет с прикованным к нему бронзовым шаром на цепи. Шар весил больше двух десятков килограммов, длина цепи составляла примерно треть метра. С таким довеском далеко не убежать и как серьезное оружие, к сожалению, использовать нельзя, в лучшем случае – как одноразовое, после чего мне и Зарине ничего хорошего, естественно, не светило. Был бы вес шара поменьше, а цепь – длиннее...

К Зарине, как ни странно, настолько же плотного внимания не проявили, словно понимали, что без меня она не сбежит. Или как раз понимали и не трогали именно поэтому. Из прежнего моего побега царберы сделали выводы, и места ночевки вместе с тотальным молчанием конвоиров говорили, что новой возможности сбежать нам не дадут. Видимо, теперь за нас (а учитывая, что заковали только одного, то конкретно за меня) сопровождающие отвечали головой и терять ее не собирались.

В пути мы видели приготовления к войне: возводились наблюдательные вышки, прорубались просеки, из крепостных составляли отряды бойников, тренировавшиеся рядом с деревнями и теми башнями, которые мы быстро проехали. Ни с кем из знакомых (наверное, к счастью, потому что выглядеть побежденным не хотелось) в дороге мы не пересеклись, встречные гонцы или небольшие отряды царберов молча кивали нашим сопровождающим, те кивали в ответ, не прерывая движения. И наконец...

Открывшаяся глазам крепость поразила размерами и непредставимой мощью. Она оказалась именно такой, как ее изобразил в башне Дарьи неизвестный художник. Внешние стены из грубого камня вздымались на высоту пятиэтажного дома, зубцы и бойницы позволяли наблюдать сверху за подъезжающими и заблаговременно принимать меры. В сестыре, который для не обладающего огнестрельным оружием противника тоже был неприступным, каждый дворик и каждая башня представляли собой отдельную твердыню, а крепость была устроена по-другому: множество стен и башен окружали и защищали центр – замок Верховной царицы. Снаружи детально рассмотреть внутреннее устройство не получалось, было видно только, что за стенами и башнями возвышался следующий ряд еще более грозных стен и башен, за которым высился следующий... В общем, вид крепости впечатлил уже издалека. Даже отряду спецназа, обвешанному автоматами и гранатометами, не покорить каменную громаду, если не десантироваться сразу в покои царицы и, угрожая ее жизни, не потребовать капитуляции.

Такой отряд я наивно представлял, вспоминая обещание Малика вернуться с друзьями из нашего мира. Портал искусственных вещей не пропускал, и все же... Надежда, как известно, живет дольше ее носителя, вот и у меня так же. Хочется невероятного. Хорошо всяким Гарри Поттерам и прочим не-обращателям-внимания-на-физику. Сказал заклинание – и мир прогнулся под твои хотелки. Красота.

Мечтать об этом еще наивнее, чем мне о собственной армии с оружием двадцать первого века. Или о танке, который, вообще-то, в одиночку крепость не разгромил бы. Толщина стен и их продуманное расположение поглотили бы весь боезапас.

В крепости, насколько мне известно, хранились государственные запасы продовольствия, и с водой, наверняка, проблем нет – родники и колодцы позволят продержаться в осаде сколько потребуется. Снаружи стену опоясывал заполненный водой ров – непреодолимое препятствие для неумеющего плавать местного населения и почти непреодолимое для тех, кто умеет и зачем-то рискнет приблизиться. На многие километры вокруг крепости раскинулся каменистый пустырь, где не было ни воды, ни дров, ни еды для коней. Истинная Крепость с большой буквы. И потому что единственная, и вообще. Увидев ее, невероятную и могучую, вживую, я вообще писал бы ее только заглавными: КРЕПОСТЬ, и кто хотя бы однажды видел ее своими глазами, поймет, что я имею в виду.

Мощная камнем дорога вела к подъемному мосту. Со стен и из башен за нами следили копьеносцы. Впереди, в открытых массивных воротах встречали несколько часовых, придир-

чиво осмотревших каждого и молча расступившихся. Цокали копыта, причем звуки менялись, словно под некоторыми камнями могли быть пустоты. Наверняка, у нас под ногами прятались всевозможные ловушки, ямы с кольями, шипы и прочие древние заменители современных мин.

За первыми воротами вновь оказался наполненный водой ров, подъемный мост через него был опущен. За вторыми воротами нас встретил закрытый глухой дворик, где на стенах с бойницами виднелись подготовленные сети, которыми накрыли бы сверху, посмей кто-то дернуться без приказа. Так же на стенах крепились котлы с чем-то, чего снизу не видно, но, думаю, внутри находились масло или нефть, то есть нечто горючее. Из книг и кинофильмов мне было известно, что в древности для обороны крепостей от штурма применялось кипящее масло, но здесь, как видно, обливали обычным и поджигали. Впрочем, могли предварительно и нагреть. Сюрпризов для желающего опробовать крепость на прочность на стенах нашлось бы немало, и копьями, маслом и сетями фантазия защитников, скорее всего, не ограничивалась.

Из дворика влево и вправо вели сводчатые ходы с обитыми металлом тяжелыми дверями, отворявшимися с помощью системы блоков, и с поднятыми решетками, состоявшими из прутьев толщиной в мою руку.

Дальнейший путь напоминал блуждания по лабиринту. Царберы, доставившие нас сюда, отчитались о нашей доставке и остались перед третьей стеной. Там Зарина спешила, меня сняли с коня и развязали, нас придирчиво обыскали. Дальше в сопровождении шести абсолютно безэмоциональных, похожих на роботов стражников мы шли пешком. В пути нас еще трижды передавали с рук на руки – каждое подразделение отвечало за свой участок. Отрекомендовывали нас следующим образом:

– Приглашенцы Чапа Еленин и святая сестра Зарина, по требованию Ее Величества.

Слово «приглашенцы» позабавило, хотя настроение юморению никак не способствовало. Помнится, когда конвой размещал нас, пойманных в первый раз, в башне Ярославы, наш статус звучал как «гости Верховной царицы». После побега и второй поимки статус поменялся. И все же приглашенцы – не пленники. Это радовало.

После прохождения третьего ряда стен конвоиры снова сменились. С этими последними принявшими нас шестью охранниками мы прошли через скрытый среди стен изысканный цветущий сад и остановились у двустворчатой двери в каменное строение, которое могло оказаться как дворцом, так и башней, и просто красиво отделанной частью стены. С той точки, где, окруженные чудесными деревьями и цветами, мы стояли, определить это было невозможно.

Здесь нас еще раз обыскали. Наверное, чтобы исключить возможность подкупа стражников, которые могли передать нам что-то в пути.

Мы вступали в святая святых крепости. Несколько мраморных ступенек вели в просторный зал, освещенный сквозь многочисленные, покрытые витражами, узорчатые окна. Оказывается, стекла здесь все же используют. До сих пор вместо нормальных окон мне встречались лишь пустые проемы разной величины – климат позволял не закрываться на ночь или в непогоду. Правда, в местной школе говорили, что при морозах (иными словами, при температуре, которую здесь наивно считают морозами) нужно получить на складе ставни, но до этого ни разу не дошло.

Кроме сада, другими признаками богатства и роскоши крепость перед вотчинными башнями не выделялась, если не считать размеров. После небольших помещений башен и даже учебных «уйдиториев» сестыря зал, в который нас привели, поражал размерами. Но не обстановкой. Здесь царили те же минимализм и практичность, не было ничего знакомого по царским дворцам, знакомым мне по кино и фотографиям из прежней жизни – ни архитектурных изысков и лепнины, ни шикарных люстр, ни вычурной мебели. Пол – каменный, без украшений и особой обработки, стены и сводчатые потолки – тоже. Для освещения использовались настенные факелы, сейчас они не горели – хватало света из окон. Высокорасположенные боль-

шие окна ничуть не напоминали повсеместные бойницы, и сначала я даже удивился: как помещанная на безопасности правительница допустила такое безобразие? Стекла – явно не стрелокопье-непробиваемые, до такого здешний прогресс еще не дошел. Впрочем, наборные витражи, изображавшие цветной геометрический орнамент, скорее всего, выполняли роль тонировки: снаружи не видно, что происходит внутри, кто где находится и куда стрелять, если кто-то с губительными целями все же доберется до стен приемного зала.

На резном деревянном троне – единственном предмете мебели в гигантском помещении – восседала властительница страны: высокая, статная, не смотревшаяся мелкой даже среди шести громадных царберов-церберов, злыми псами ждавшими команды «фас» слева и справа от трона. Из тех, что следовали с нами, в зал нас ввели двое, остальные порог зала не пересекли.

Вид у царицы был, как и в прежние встречи, привычно усталый и даже, я бы сказал, больной. Или невыспавшийся – словно ее только что разбудили и вытащили из постели. Парадный доспех блестел позолотой, зубастая корона сверкала на изящном шлеме, прикрытые металлическими пластинами сапоги и полуперчатки облегли руки и ноги. Слева к трону прислонился отстегнутый меч в ножнах – сидеть с ним на троне с подлокотниками было невозможно. Меч – прямой и длинный, и мне показалось, что он должен быть стальным, как оружие святых сестер. Окажись он бронзовым, при такой длине царице с ним не управиться, иначе меч будет неэффективным, это я как бывший кузнец говорю. Инкрустированные золотом широкие ножны могли скрывать как толстый бронзовый клинок, так и тонкое стальное лезвие, а чтобы узнать правду, нужно вытащить его из ножен или чтобы меч в ножнах приподняли у меня на глазах, желательно – одной рукой. Если учесть, сколько внимания уделялось тому, чтобы с правительницей ничего не случилось, то меч просто обязан оказаться стальным, причем, наверняка, булатным. Также не удивлюсь, если под латами обнаружится еще и кольчуга. Хорошо, что свою кольчугу я спрятал с вещами Малика, иначе мне, при желании, могли приписать убийство какой-нибудь святой сестры. Тогда термин «приглашенец» сменили бы другим, гораздо более нехорошим словом.

Зарина преклонила колени и опустила голову, я сделал так же.

– Поднимитесь, – раздалось властно. – Зарина Варфоломеина, твои мотивы нам известны, поступки рассмотрены, и прегрешения прощены. Тебе не будет наказания. От тебя требуется только сотрудничество. Расскажи о своем спутнике.

Зарина бросила на меня быстрый взгляд.

– Это Чапа, – сказала она, – бывший невестор Тамары Варфоломеиной, моей сводной сестры. Он из долины за горами, его историю – как он преследовал стаю челоуолков, а затем жил с ними – знают, наверное, все. Мы познакомились в невестории.

Она умолкла. Вранье – не ее конек.

Тяжелый взгляд царицы не давал Зарине поднять лицо, а правительница словно бы знала правду, на губах висела тень не очень-то скрываемой усмешки.

– Почему ты сбежала с ним?

Побег – нарушение закона, то есть преступление, за которое убивают на месте. Вместо этого нас долго ловили, привезли в крепость и начали с того, что объявили о прощении одного из нас. Интуиция всколыхнулась: все не так плохо, как думалось. Царице от нас что-то нужно, иначе мы давно отдыхали бы от собственных голов. Нужно не сболтнуть лишнего и готовиться к торгу.

Словно гора с плеч упала. Я даже зажмурился, чтобы взгляд не выдал внутреннего ликования. Не знаю, поняла ли Зарина, что происходит. Наверное, нет. Ее голос оставался глухим, тон – бесчувственно ровным, бездушным:

– Я полюбила его. Побег стал единственной возможностью быть вместе.

В любом другом случае одного такого заявления хватило бы для смертельного приговора. Царицу же ответ будто бы успокоил. Она задала уточняющий вопрос:

– Если перед тобой встанет выбор: короткая и тяжелая жизнь с Чапой или долгая без него – что выберешь?

– С Чапой, – не раздумывая, объявила Зарина.

И в тот же миг ей тоже полегчало. Она сказала главное, и ей стало все равно, что будет дальше. Любовь можно прекратить физически, но ее нельзя убить.

Царица все поняла.

– Надеюсь, у тебя будет такая возможность. Сейчас все в руках твоего друга. Ваши судьбы, жизни и будущее счастье зависят от того, насколько он дорожит отношениями и чувствами, о которых ты поведала. Ты можешь отдыхать, когда понадобится – тебя позовут. – Повелительный жест приказал Зарине удалиться, и двое царберов тут же шагнули к ней, чтобы сопроводить на выход. – Тебе предоставят комнату, и ты останешься в крепости в статусе гостя до тех пор, пока твой друг не проявит себя лучшим или худшим образом. В последнем случае мне придется еще раз задать вопросы, с которых я начала разговор. Надеюсь, твой любимый человек сделает правильный выбор и приложит все силы, чтобы ваше счастье состоялось. Обещаю, что в таком случае прошлое будет забыто, и тебе, единственной наследнице доблестной Варфоломеи, удастся возродить славную фамилию.

Обо мне говорили в третьем лице, но меня это не задевало. Сейчас начнется торг. Мне предложат что-то, я для вида покапризничая, набью себе цену, выторгую наилучшие условия, после чего, естественно, соглашусь. Потому что выбора нет. Жаль, что царица это понимает. Значит, условия сделки подразумевают некое задание, и нет никаких сомнений, что оно будет тяжелым и опасным. Скорее всего, опять, как в свое время царисса Ася по поводу пропавшей дочки, предложат сделать что-то выходящее за рамки местных норм. Это говорило о том, что царица в курсе моих походов за рекой и, возможно, не только о них. Зато награда...

Зарине – преступнице по всем местным меркам – вместо казни вновь пообещали вотчину. Даже представить не могу, какого подвига или чуда за это потребуют.

Последний взгляд Зарины сказал, что она надеется на меня. Я так же молча уверил, что сделаю все возможное и невозможное, чтобы мы были вместе. Ее вывели из зала.

Принеслось распоряжение:

– Чапа. Подойди.

Ближайшие стражи напряглись. По их знаку я после нескольких шагов остановился метрах в десяти от трона. По сравнению с размерами помещения это выглядело, словно я подошел вплотную.

Возникло ощущение, что правительница хочет поговорить без лишних ушей, но в условиях официального приема такой формат был недостижим. Я понял, что в словах потребуется искать второй смысл.

Царица неожиданно нахмурилась:

– У тебя есть, что сказать в свое оправдание?

– Зависит от того, в чем меня обвиняют.

Губы Верховной царицы растянулись в улыбку – механическую, от которой веяло холодом:

– А ты не знаешь?

Под пронизывающим взглядом я не отвел глаз:

– Нет.

– Тогда сделаем так: назови главную причину, и я выполню одно твое желание – любое, которое в моих силах и которое не вредит существующему положению вещей.

– Последнее перечеркивает все, что я мог бы сказать.

– Дерзко. Это хорошо. Тогда скажи, есть ли у тебя просьба, с которой ты хотел бы обратиться к Верховной царице?

– Есть. Я хочу, чтобы моя спутница и другие мои друзья не пострадали, в чем бы меня ни обвиняли.

– Я так и думала. Можешь не беспокоиться, положение тех, кто тебе дорог, зависит целиком от твоего желания сотрудничать.

Я не перечислял друзей, и царица этого тоже не сделала, ограничившись определением «те, кто тебе дорог». Известно ли ей, кого я имел в виду – поименно?

А если да?..

Глава 2. Новая сила

Царисса Ася, догадавшись о моем происхождении, отправляла меня за реку не только по собственному хотению, а с высочайшего позволения. То есть, царица знала о моих первых похождениях за Большой водой и, от вернувшейся Марианны, должна быть в курсе о вторых. Скорее всего, мне предстоит еще одно путешествие «за границу» – например, в качестве шпиона. Местные не умеют плавать, и мозги у них устроены так, что за рекой первые же встречаемые владельцы острых предметов сразу отделят такие мозги от туловища. Из всех живущих в стране башен что-то узнать за рекой и не выдать себя сегодня смогу, наверное, только я. Вот, кстати, и ответ, зачем меня так активно искали. Впрочем...

Искали слишком уж усердно. Какой же важности должно быть дело, чтобы задействовать такие силы? Видимо, простым шпионажем дело не ограничится. Может быть, мне поручат что-то вроде убийства нового императора или приведение заречных княжеств (точнее, их остатков) и кочевников под загребущую руку Аллы-законовыдумывательницы, да пропадет она пропадом?

– Где Малик Носатый? – спросила царица.

Ура! В ответ я чуть не улыбнулся: мне только что еще одним способом подтвердили, что Малик благополучно отбыл через портал. Его не поймали, тела не нашли, а оружие с одеждой – в тайнике. Остается только ждать, когда он свалится на голову здешнему миру с друзьями, которым сам черт не брат.

Лишь бы это не повредило налаживавшемуся контакту с царицей. Не думаю, что стать башневладелицей для Зарины важнее, чем остаться со мной, как говорится, «в шалаше». Титул цариссы греет душу, обеспечивает комфортную жизнь и дает возможность обеспечить детей тем же на много поколений вперед. Перспективы заманчивы, но предполагают подвластность законам Аллы. Зарина знает, что стать одним из трех мужей для меня неприемлемо. Путь у нас с ней один – в мой мир, или, если это почему-либо невозможно, куда-то, где можно жить без указки как и с кем. Возможно, такой тихий уголок найдется именно за рекой – до сих пор там находилось место всем. Урван Безухий рассказывал, что дальше за княжествами и кочевьями находится то, что местные называли концом мира. Люди там тоже живут, но в конце мира нет законов. Единственный закон там звучит так: твой дом – твои правила. Поодиночке в тех местах не выжить, и пришлые либо принимают правила того, кто им помогает, либо погибают. То есть, люди там селятся странные и внешне опасные, в основном – изгои, не ужившиеся ни в одном из обществ, но трудности существования рожают взаимовыручку. По-моему, лучше трудно жить по своим правилам, чем вроде бы хорошо по тем, которые не принимает душа.

Туда мы отправимся в крайнем случае, если не получится с порталом и если Малик с дядей Люсиком, с которыми я надеюсь еще встретиться, не предложат варианта получше. Только бы Малик не вмешался в события в то время, когда я буду далеко или когда будущий договор с царицей выйдет на стадию исполнения встречных обязательств.

Все это пролетело в уме в долю секунды.

– Малик почувствовал себя плохо, – начал я. – Простыл, наверное, или съел что-то несвежее. Темный дом был рядом, а все знают, что если туда попасть, обратно можно не выйти. Малик отправился назад, к царевне Ефросинье – незадолго до этого она объявила его своим невестором.

– Он воспринял предложение Ефросиньи всерьез?

– Иначе зачем бы он пошел к ней?

Ответ царицу вряд ли устроил, но временно был принят. Не сомневаюсь, что к разговору о Малике мы еще вернемся. Для грозы царберов и живой легенды разбойников стать одним из мужей возомнившей о себе мелкой соплячки – выбор, честно говоря, странноватый.

– Что вам понадобилось в темном доме? – Голос царицы стал тихим, и я с удивлением понял, что акустика зала, специально построенного нужным образом, глушит его. Крепость спроектировали специалисты своего дела. – Зачем вы с риском для жизни возвращались туда? Что Зарина оставила там настолько ценного?

Если подобная мысль появилась, то темный дом уже перевернули вверх дном. Любопытно – нашли ли что-нибудь? Сколько чужих тайн вскрыто, сколько людей пострадало?

– Мы шли не в темный дом, а к поселку около него. Там мы собирались встретиться с остатком отряда Малика, чтобы решить, что делать дальше. Я знал, что нам с Зариной не будет покоя, и рыцари искали возможности выжить после того, как повсюду начались облавы. Скорее всего, мы ушли бы за реку, и вы бы о нас больше не услышали.

– Хватит. Надоели игры. – Губы царицы скривились. – Чапа, я знаю о тебе все: домашний адрес, увлечения, как учился в школе, какие книги любишь читать, какие фильмы смотреть и в какие игры играть. Знаю имена, должности и график работы родителей. Не будем терять времени. Ты – такой, какой есть – нужен мне для задания, для которого подходишь больше остальных, и чем быстрее мы перейдем к делу, тем лучше для всех. Не согласиться ты не можешь – из-за происхождения тебе, другим скрытым чертям и всем, кто вам помогал, грозит смерть.

Адрес, увлечения, как учился в школе...

Прозвучавшая в конце угроза пролетела мимо ушей, я все еще вникал в сказанное в начале.

– Тома жива?!

У меня перехватило дыхание.

Если сведения не от Тома, то от кого? Дяде Люсику и Шурику я подробностей не рассказывал. Или местная власть напрямую и постоянно контактирует с нашим миром – настолько, что может узнать о каждом все что угодно?

И все же подноготную обо мне выложила Тома, самое простое объяснение обычно самое верное, а фантастику приплетают лишь для запутывания или чтобы отвлечь от чего-то важного.

Правительница усмехнулась:

– Хочешь с ней поговорить?

Поговорить, значит? С Томой? После того как она, чудом воскресшая, выдала противнику все секреты и рассказала все тайное обо мне, Малике и дяде Люсике с Шуриком? А она рассказала все-все, можно не сомневаться. Коготок увяз – всей птичке пропадать.

Руки чесались ее придушить.

– Не хочу, – почти выплюнул я.

Иначе точно придушу. Возможно, поговорю с сестренкой когда-нибудь потом – если жизнь и ее нынешняя хозяйка предоставят мне такую возможность.

Однажды, давным-давно, я читал про «болезнь крота»: засланный к противнику шпион мимикрирует, подстраивается под нужные условия, внешне использует те же лозунги и славит те же идеи... и постепенно меняется внутренне. Кажется, такой слом произошел и у Тома. Со мной она вела себя как такой «крот», жаждущий помочь мне и другим попаданцам мужского пола и для этого живущий по местным правилам – исключительно, чтобы использовать их во благо нашего дела. Увы, власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно. Ради призрака царской короны Тома предала всех, кто был близок и кто помогал ей самой. В первую очередь она предала (продала!) меня. Надеюсь, хотя бы не продешевила. Власть часто дает обещания, которые не собирается выполнять. Возможно, в скакавшей на языке и в мыслях фразе «Тома жива!» не хватает слова «еще».

– Не упрекай ее, она поступила единственно правильно в ситуации, в которую была поставлена, – успокаивающим тоном продолжила царица. Видимо, на моем лице отразилось больше, чем мне хотелось.

– Мне сообщили, что она погибла.

– Это домыслы и перевираание фактов. Было сказано, что она не вернулась из крепости после испытания.

– Вотчина Западной границы отдана другой хозяйке...

– Человеку, который собрался вершить судьбы целого народа, прошлое нужно оставить в прошлом, иначе оно испортит будущее. Уровень цариссы – хороший опыт, но это умения и обязательства более низкого порядка. Прежние любви и дружбы должны быть отсечены, иначе могут влиять на решения, которые касаются всех, что совершенно недопустимо и опасно в государственном масштабе. Отправляясь наверх, балласт нужно оставить, рано или поздно он потянет вниз, и чем выше поднимешься, тем сильнее будет тянуть, пока не утянет окончательно. Бабочка, расправляя крылья, не тащит с собой кокон, иначе не сможет летать.

– Это понятно, хотя и неприятно, поскольку я сам отношусь к упомянутому балласту, и все же царевны Ефросинья и Ярослава тоже...

Я умолк, усиленно вспоминая. Нет, никто, кроме Юлиана, не говорил «Тома мертва». Даже дядя Люсик, подразумевая, что она погибла, пользовался формулировкой, сказанной ему другими: «Не вернулась из крепости».

Правительница подтвердила мои мысли:

– Если соискатель остается в крепости, то цариссы и доверенные члены их семей знают, что это означает: он либо выдержит все и однажды достигнет вершины, либо сломается и погибнет. Тома выдержала. Для этого ей пришлось рассказать мне все свои тайны и секреты. У нее не было выбора. Папринций Люсик и его сын, царевич Щербак Анисьин, он же в прежней жизни Александр Абрамов, сейчас гостят у меня в соседней башне. Малика Носатого доставят сразу, как только найдут. И случилась еще одна промашка – гонцы не успели перехватить второго невестора Тома – Юлиана. Ты с ним не пересекался?

Вряд ли царица знает о нашей встрече, если только уже не схватила его и не допросила с пристрастием. Впрочем, Юлиан – не Тома, он ничего не скажет даже под пытками. Для него дружба и любовь – выше остального, даже важнее собственной жизни. Вот чему Томе стоило бы у него поучиться.

А я сейчас вполне могу поделиться правдой, она сыграет на руку Юлиану.

– Он ушел отсюда, мы разговаривали на той стороне реки. Юлиан уверен, что Тома нет в живых. Он и меня в этом уверил.

– Некоторое время так должны думать все, кому не обязательно знать правду. Это мнение специально не опровергается, чтобы выявить истинные чувства бывших близких и подчиненных. Кому надо, те прекрасно понимали, что Тома идет на повышение, для остальных «не вернулась из крепости» выглядело так, как мне требовалось. Поверь, узнать, что система пропустила в мир и легализовала сразу несколько чертей – это был серьезный удар. Про Малика Носатого еще сестра Вероника докладывала, что он может оказаться затесавшимся в наши ряды «пожирателем» из-за Большой воды. Про папринция даже подумать страшно – жил на виду, занял высокую должность, и никому даже в голову не пришло... С его сыном все проще. Укрывательницы понесут наказание позже, когда дело, ради которого мы с тобой встретились, останется в прошлом. Или не понесут – возможно, что твой вклад оправдает всех замешанных, и наша встреча окажется следствием вмешательства высших сил.

– Знаете, мысль, что меня, вопреки своим же постановлениям, послала вам в помощь Алла-всесведущая, да простит Она нас и примет, мне нравится. Из этого можно сделать очень далеко идущие выводы...

– Не дерзи. Как объяснить то, почему тебя и твоих сомнительных друзей оставили в живых и вновь встроили в общество – задача будущего. Сейчас тебе просто нужно осознать, что жизни огромного числа людей зависит исключительно от тебя.

– Готов служить делу мира и благу всех дальних и, особенно, близких.

– Мне говорили, что ты за словом в карман не лезешь, но ты превзошел ожидания, настолько подвешенного языка я еще не встречала. Для нашего дела это хорошо. Из того, что мне о тебе рассказали, я поняла главное. Ты – человек слова и человек дела. Очень редкое по нынешним временам сочетание. Я слышана о твоих верности, честности и готовности к самопожертвованию. Ты – удобная кандидатура, лучшая из возможных. Кстати, Марианна Асина, также рассказавшая о тебе много интересного, сейчас тоже здесь, в крепости.

Вот и еще один источник информации вскрылся. Почему Марианну привезли в крепость? Вернее, почему оставили здесь после допроса? Возможно, так сделано для очных ставок со мной, если я по какой-то причине начну юлить. Или, может быть, она – запасной вариант на случай, если меня не найдут? А что? Царевна тоже была за рекой, тоже выжила, тоже хорошо узнала местную жизнь и отличные от здешних порядки.

Другое дело, что на Марианну не надавить так, как на меня. Зная о моей любви к Зарине и о дружбе с дядей Люсиком и Шуриком, из меня можно веревки вить – я соглашусь на любые условия, хотя вначале и попробую выторговать побольше предпочтений. И все же соглашусь. Наверное, в том и состоит сила правителей, в которые так стремилась и уже почти пролезла Тома – не иметь друзей и любимых, чтобы тобой не воспользовались, и пользоваться чужими чувствами к друзьям и любимым. Вспомнилось, какую расписку потребовали от Тома при коронации в цариссу, чтобы она прочувствовала степень будущей ответственности: «Сим соглашаюсь, что со взысканием высокой должности сама решила уменьшить в своей жизни количество друзей, свободы, сочувствия, безопасности и личного времени, а также водрузить и навлечь на себя больше обязанностей, ответственности, забот, зависти, сплетен, критики, страха, усталости, соперников, врагов, недоброжелателей и просто недовольных».

В разряд недовольных теперь попал и я – брат и бывший друг.

– Как ты думаешь, Юлиан вернется? – спросила царица.

– Он любил Тому. Теперь, когда он считает, что ее нет в живых, его здесь ничего не держит. Не вернется.

– Что он собирался делать дальше? Продолжить карьеру бойцового пса?

– За рекой сейчас не до развлечений, там дерутся по-настоящему, за жизнь. За зрелище никто платить не будет.

– Значит, он примкнет к одной из группировок? Он сказал, куда или к кому направится? Догадка, что меня отправят за реку, получала все больше подтверждений.

– Хотите задействовать и его? Не получится. Юлиан собрался стать отшельником, его больше устраивает честная звериная жизнь человеком, чем возвращение к коварным жестоким людям. А мне, как понимаю, предстоит отправиться за реку?

– Нам.

До меня дошло не сразу. Верховная царица – тоже?!..

Чтобы правительница покинула страну, да еще в неподходящей ее царскому статусу компании, должно случиться что-то из ряда вон выходящее.

– Что происходит за рекой?

– Появилась новая угроза. Ты слышал что-нибудь о крестоносцах?

Я отрицательно мотнул головой. Папы, братва, ушкурники, степняки, убегайцы-спаси-зады, сопротивление, коняжи и прочие власти в княжествах... Любую из этих сил можно представить как объединившую остальных настолько, чтобы представлять опасность стране башен, и кровожадную до такой степени, что от них бежит собственный народ. Крестоносцы же мне были неизвестны.

Впрочем, узорчатый крест – один из любимых символов оружейников, живущих за горами выше по течению по нашу сторону реки. Такой крест был на щите, подаренном мне спасенным от ушкурников Селиверстом (и бездарно утраченным в мою собственную бытность речным пиратом). «Если вскрыть пластинку под держакон, – сказал тогда Селиверст, – уви-

дишь имя Афониных. Вдруг судьба закинет в наши края – покажешь, расскажешь о нашей встрече, примут как родного». Теперь, окажись я там, слова подкрепить будет нечем.

Про оружейников рассказывал и Урван Безухий: «Это по другую сторону реки, в предгорьях. У Афониных с Терентьевыми оружие бесподобно, сам знаешь, но говорить с ними можно только на равных, чуть что не так – уходят в горы, откуда не выковырять. А на обидчика оружейников ополчаются все, и нигде тебе не будет приюта».

То есть, гордый умелый народ населяет всего две деревеньки и состоит всего из двух родов.

«Почему дикая империя в первую очередь не покорила оружейников? – спросил я Урвана. – Это же логично. Хорошее оружие – как лишние войска. В том смысле, что совсем не лишние.

«У оружейников есть волшебные стрелы, которые пробивают любую броню. Их не продают ни за какие деньги».

К тому времени достаточно изучивший кузнечное ремесло, я решил, что волшебство легко объясняется калеными узкими наконечниками граненой формы. В остальном изделия оружейников ничем не выделялось в плане эффективности. «Красивые, но не больше, – сказал о них Урван. – Таким оружием дорожишь, потому – гибнешь».

Не верилось, что довольно малочисленные мастера и купцы, известные на весь обитаемый мир, пустантятся в авантюру с мировым владычеством. Для них это самоубийственно.

Когда я интересовался, что находится выше по реке за оружейниками, Урван просветил: «По левой от нас стороне больше нет поселений. Если только какой беглец решит попытаться счастья в предгорьях... Но зря, там не выживают. Почвы нет, ничего не растет. Дальше – выжженная солнцем пустыня».

– Я знаю про горцев-оружейников, – сказал я ожидавшей царице, – они украшают некоторые свои изделия красивыми крестами с расходящимися лучами и узорчатыми орнаментами по краям.

– У оружейников не хватит людей даже на захват еще одной деревеньки.

Однако, знания о заречном мире у правительницы неплохие. Позже нужно прояснить этот вопрос на предмет происхождения информации. До сих пор все вокруг твердили, что любого пришельца из-за реки убивают сразу при обнаружении, пока он не нанес физического или морального вреда существующему обществу. Получается, что иногда кого-то допрашивают? Или у Верховной царицы есть служба внешней разведки – настолько секретная, что о ней никто не догадывается?

– У меня больше нет предположений, название «крестonosцы» за рекой я ни разу не слышал. Кто они?

– Это и требуется узнать. Если получится – заключить с ними соглашение о ненападении.

– Разве заключение договоров – дело Верховной царицы? Достаточно послать туда...

– Не твое дело, какое дело чье. Все очень серьезно, и противник серьезен. Я хочу увидеть его своими глазами.

Действительно, я сунул нос не в свое дело. Не взбреди царице в голову прогуляться за реку лично, и вместо шикарного будущего (если все получится) мне светило бы только место на кладбище. А как по мне, так лучше где-нибудь в болоте утопнуть, чем попасть на местное кладбище.

– Не так давно за рекой даже слухов не было ни о каких крестonosцах, – сказал я. – А я бывал во многих местах, от степей, за которыми начинается так называемый конец мира, до Еконограда. Разве что они пришли от немцев...

Кстати, вполне логично. Именно немецкие рыцарские ордена в истории моей родины известны под именем крестonosцев. Впрочем, Урван Безухий говорил, что местные немцы едва выживают, им вроде бы не до захвата территорий. И я забыл, что они могут оказаться кем

угодно. Например, чеченцами или эскимосами. «Немец» – это всего лишь тот, кто говорит непонятно.

– Они внезапно появились со стороны Дикого поля. Ушкурники и братва разбежались, степняки уходят с насиженных мест. За рекой нет силы, способной противостоять крестоносцам. Рано или поздно мы будем следующими. Наша задача – узнать как можно больше и не допустить худшего варианта.

– Этой информации можно верить?

– Да.

Коротко и ясно. Иными словами, то же, что и ранее: не твое, дескать, собачье, то есть чертячье, дело.

Ладно, я и без того государственных тайн и компромата на власть имущих знаю больше, чем требуется для долгой спокойной жизни.

Наверное, не стоило, но я попробовал свое положение на прочность:

– А если я не соглашусь вам помогать? Думаю, вам рассказали обо мне достаточно, чтобы вы поняли – когда речь пойдет о принципиальных вещах...

– Не беспокойся, я знаю о тебе все, чтобы спрогнозировать твое согласие и успех задуманного предприятия. Порученное будет тебе по силам, а мотивация заставит сделать все быстро и качественно. – Царица хлопнула в ладоши. Один из охранников сделал шаг вперед. В его сторону громко раздалось: – План «Аз», выступаем через два часа.

Царбер кратко кивнул и вышел из зала, его место занял вошедший новый.

– Хотя бы пообедать и помыться дадите? – поинтересовался я.

Солнце клонилось к закату, а кормили меня сегодня единственный раз утром перед последним переходом.

– Пока идет погрузка, ты успеешь и поесть, и помыться.

– У вас все было готово. То есть, вы настолько не сомневались, что меня найдут?

– Если бы тебя не привели сегодня или завтра, послезавтра мы выдвинулись бы по «плану "Буки"».

– Кто был запасным вариантом?

Проводником по заречным землям могла выступить, как мне кажется, только Марианна. Правда, никто не гарантировал, что кроме нашей с ней эпопеи нечто подобное не случилось еще с кем-то, тогда вариантов может быть много. Все же, из тех, о ком я знал, Марианна для этой цели подходила наилучшим образом. Она знала чужую жизнь изнутри и могла проконсультить царицу не хуже меня. Она даже плавать научилась. И замужем была за местным жителем. Это делало ее прекрасным специалистом по Заречью. Другое дело, что потеряв мужа, натерпевшись страха и повидав ужасов столько, что у другого уже съехала бы крыша, царевна вряд ли захочет туда вернуться. Но царица умеет заставить людей делать то, что им не хочется.

И все же выбрали меня. Что-то во мне, опасном непредсказуемом чужаке, было важнее, чем знание заречных реалий и лояльность стране башен.

– Вариантов много. – Правительница снисходительно улыбнулась. – Некоторые кандидатуры превосходят тебя чуть ли не по всем статьям.

– Но у каждого есть недостаток, который сводит преимущества на нет? – Я тоже позволил себе улыбнуться.

– К сожалению, способности и надежность у людей, как правило, разноректорны. Соотношение твоих плюсов и минусов показалось мне оптимальным, но не забывай про другие варианты – ты должен постараться, чтобы мне не захотелось менять тебя на другого. Думаю, ты это понимаешь, и, значит, мы сработаемся.

– Мне тоже хочется, чтобы мы сработались. Я приложу все силы.

– Это то, что я хотела услышать.

Поэтому и сказано. Потому что после я хотел попросить:

– До отъезда мне можно еще раз увидеться с Зариной?

Правительница усмехнулась:

– Не можно, а нужно.

Ну да, свидание поможет мне не забыть, что жизнь любимого человека зависит от моих усилий и желания сотрудничать и что если что-то пойдет не так...

Глава 3. Демоны

Происходило что-то невероятное. Не было торжественного выезда Верховной царицы как главы страны – с подобающими титулу почестями и церемониалами. Вместо солидной процессии, призванной внушать трепет и уважение к короне, из ворот крепости выметнулась тройка гонцов и, сразу вслед, – десяток царберов с запасными лошадьми, навьюченными так, что едва не шатались. Верховную царицу и меня вывезли из крепости как груз на этих лошадях – в мешках с разной нужной в путешествии дребеденью. Оставленные для дыхания небольшие отверстия в меру возможности позволяли глазеть по сторонам.

Через кордоны внутри крепости нас беспрепятственно провел царбер в ранге сотника. Искусно выделанный позолоченный доспех на нем походил на работу загорных оружейников, щетка нашлемного «ирокеза» длинным хвостом спускалась на спину, выполняя роль дополнительной защиты шеи. Скорее всего, это был начальник дворцовой стражи или всего крепостного гарнизона. На первый взгляд никем конкретно сотник не командовал, но в его присутствии стражники вытягивались по струнке и не смели пикнуть. С ним наш караван из гонцов, солдат и груженных лошадей проходил пост за постом без досмотра. За внешними воротами неспешный цокот копыт сменился рысью и едва не перешел в галоп. Со стороны наш выезд, как мне кажется, напоминал бегство. На месте стражей я бы задумался. Однако, никто даже бровью не повел, нас проводили спокойные взгляды – то, что люди торопятся, здесь было в порядке вещей.

У меня перед глазами все еще стояло прощание с Зариной.

«Я вернусь за тобой», – сказал я.

«Я знаю», – сказала она.

Нам позволили обняться, и Зарину увели. Несмотря на то, что я обязался выполнить любые условия, она останется пленницей. Может быть, оставшаяся хозяйничать в крепости Тома сделает что-то для нее?

Ага, раскатал губу. А то я не знаю Тому. Она не сделает ничего, что может кинуть на нее, как негодную правительницу, хотя бы тень тени. Сердобольный правитель, который старается быть справедливым к каждому – это мертвый правитель, иначе не бывает. Учебники истории переполнены подтверждающими фактами. Доброта убивает правителя сразу, в результате кровавого переворота, либо после долгой войны, когда страна разрушена, разделена или захвачена соседями, которых привели в качестве «помощников» жаждущие власти соперники хорошего для всех правителя. Доброго правителя убьют осваивающие новую реальность бывшие соратники, чтобы не мозолил глаза и не давал почитателям мечтать о реванше, или чужаки-захватчики, чтобы избавиться от законной власти и легитимизировать свою, или собственный народ – за то, что добротой в конце концов испортил жизнь всем, за что и должен поплатиться.

Мне не верилось, что Верховная царица оставит за себя Тому, и все же это произошло. Всех прав правительницы моя сестренка, конечно же, не получила, править в стране она сможет лишь с согласия Совета сестер (и, как догадываюсь о том, что никогда не прозвучит вслух, Клуба Землянок), но распорядиться в крепости в отсутствие царицы назначили именно Тому. Надеюсь, ее выбрали не только за предательство. Впрочем... Кто знает, что Верховная царица считает в человеке главным. Сказано же: «Я слушаю умных, но верю только верным, в этом состоит мудрость». Верность правителю оправдывает любую гнусность по отношению к близким.

А с другой стороны... Ситуация в стране аховая, и неподготовленного человека или такого, чьи мысли и поступки невозможно просчитать, заместителем главы не поставят. Получается, что Тома, как официальная преемница, показала себя достаточно компетентной, уме-

лой и эффективной. К тому же, покомандовать немного, пока настоящий хозяин в отъезде – это хорошая тренировка, некий испытательный срок.

В общем, мечта Тома сбылась, она стала царицей – пока не титулом, но со всеми возможностями Ее Величества. Стоило ли оно того, чтобы наплевать на дружбу и забыть о родстве? Не мне судить. Если Тома довольна – флаг ей в руки, а свои руки я в отношениях с ней умываю. Не судите, да не судимы будете. Нужно повторять это почаще, чтобы не сорваться с катушек и не сказать о сестренке что-то неподобающее культурному человеку.

Зарина, дядя Люсик и Шурик остались в крепости в статусе гостей, а по факту – заложников. Их жизни зависели от меня. Любопытно: если я, к примеру, ценой собственной жизни сумею погубить Верховную царицу – освободит Тома заложников или казнит?

Все зависит от того, что от нее потребуют Совет и Клуб. Интуиция мне подсказывала, что собственное мнение Тома теперь мало значило. Оно, это мнение, всегда одно: делать то, что вознесет на вершину, и не делать ничего, что скинет оттуда. Вот и ответ – неприятный, но, как мне кажется, верный. Ждать от Тома подвигов во имя бывлой дружбы не следует.

На первом же привале – за холмом, среди высокого кустарника, вдали от посторонних глаз – царицу и меня вынули из мешков и облачили в балахоны бойников. Нет такой силы в стране башен, что могла бы проверить личности бойников, следовавших с десяткой царберов.

Выехавшие с нами гонцы давно умчались вперед – значит, где-то впереди нас будут ждать готовые кров и стол. Это было бы весьма кстати: небо стремительно темнело, а набегавшие тучки грозили ночным дождем.

– Выражаю всем благодарность, – громко объявила царица. Солдаты кратко кивнули. Палец правительницы указал на меня: – Дайте ему коня. Не спускать глаз. Без этого человека экспедиция потеряет смысл, он должен прибыть на место целым и невредимым, защищайте его как меня. В путь.

Теперь я ехал в окружении солдат рядом с царицей. Приказ «Защищайте его как меня» касался внешнего нападения, и царберы защищали, зорко поглядывая по сторонам и прикрывая собой спереди, сзади и с боков. Но если нас кто-то обстреляет из засады, жертва в отряде будет одна – я. Царберов спасут тяжелые доспехи, царицу – кольчуга, которую я заметил и которой успел позавидовать, когда мы надевали балахоны. По сравнению с облежавшим правительницу шедевром кузнечного ремесла, кольчуги святых сестер казались корявыми поделками подмастерьев. Оружием царице служил меч на перевязи – похоже, тот же, что и в тронном зале, судя по рукояти. Но в других ножнах, где не было никакой инкрустации и, тем более, позолоты. Просто деревянные ножны, обшитые кожей, внутри которых, как мне по-прежнему казалось, прятался стальной клинок, узкий и длинный. Правда станет известной лишь в обстоятельствах, мечтать о которых не стоило.

Мне оружия не дали. Понимаю. Но если отправимся за реку – потребую снабдить хоть чем-нибудь, иначе не смогу выполнить задачи, которые мне поставят. Вместо них я думать буду о выживании. Невероятно, насколько я привык к оружию. Без него – как без рук.

Допускаю, что оружия мне и на том берегу не дадут. Кто я такой, чтобы мне верить? За рекой я бывал почти везде и все знаю. Сбежать могу в любой момент, и снабдить меня средствами для возможного побега – самоубийство. В похожей ситуации я и сам думал бы так о любом другом человеке.

Перед глазами проплыли лица близких мне людей. Зарина. Шурик. Дядя Люсик. Я не смогу спасти себя ценой их жизней. Именно поэтому царице нужен был я – предсказуемый и управляемый. Она заранее победила. Я никуда не денусь и сделаю все, что мне скажут. Глядя на ситуацию со стороны, можно сказать, что царица – террорист, захвативший заложников. Угрожая им, она выдвигает условия, и я – ратующий за отказ от переговоров с любыми террористами, поскольку в перспективе это всегда ведет к еще большим жертвам и повторению террора в большем масштабе – послушно скрещиваю передние лапки в позе «Слушаю и пови-

нуюсь». «Возлюби ближнего своего» я воспринял слишком буквально и теперь мучаюсь от последствий. На моей любви можно играть, вызывая нужную мелодию, и мне ничего не останется, как подпевать. Я готов пожертвовать собой ради близких. Но так же я готов пожертвовать близкими ради других людей – если, например, большую кровь можно будет остановить малой. Я люблю людей и не хочу им зла. Получается, «Возлюби ближнего» – опасный принцип. Тем, для кого любовь – пустой звук, он позволяет управлять теми, кто умеет любить. Но если посмотреть на это с другой стороны... Тот, для кого любовь – средство в достижении целей, никогда не будет счастлив. Взять ту же царицу. Допустим, добьется она с моей помощью мира с крестоносцами или еще чего-то, столь же мимолетного и умозрительного, если смотреть на события сверху. Я, вернувшись к Зарине и освободив Шурика с дядей Люсиком, буду счастлив, а царица погрязнет в новых заботах с прежней гадостью на душе. Все же любовь должна быть целью, а не средством, и тогда у всех все будет хорошо. Как бы донести эту мысль до других?

Когда редкая растительность сменилась лесами, отряд свернул с дороги. На поляне среди дремучей чащи нас ждал подготовленный палаточный лагерь с разведенным костром. Три царбера, охранявшие пустой лагерь, сдали его нашему отряду и ускакали в наступившую ночь. Главным среди нас они считали десятника, на бойников не обратили внимания. Скорее всего, выехавшие вперед гонцы тоже не знали, для кого они старались. Просто делали свою работу. Меньше знаешь – крепче спишь.

Интересно, часто ли царица убегает из крепости таким образом? Система, как сразу видно, отлажена. Гарун аль Рашид страны башен. Честно говоря, нечастое явление. Обычно оно встречается в сказках, как про того же Гаруна аль Рашида. Правильнее сказать, только в сказках. И, наверное, вполне резонно, что только в сказках. Познавать жизнь подданных изнутри – правильно и похвально, если это не навредит стране в непредвиденной ситуации, а в жизни, как известно, бывает все. Особенно плохое и неожиданное. Причем, одновременно. И надолго. И что тогда?

Такие лагеря в лесу, как у нас сейчас, устраивали рыцари. Со стороны нас не видно, а любителей гулять по ночам в поисках приключений в стране башен не осталось. Правда, неведомые крестоносцы, которых ждали всюду, при желании могли бы добраться сюда для разведки боем...

В этом и был гигантский минус лесного размещения: при случайном обнаружении лагеря его скрытная уединенность играла на руку врагу, на нас могли внезапно напасть из леса или окружить, если противника много.

Скорее всего, у царицы все просчитано. Мы спим здесь и ничего не боимся – значит бояться нечего, враг далеко. Или, что тоже допускаю, враг даже не помышляет о высадке на нашей стороне реки, а все приготовления ведутся впрок.

Не ради меня же распространялись слухи о вторжении, чтобы целая страна повсеместно искала сбежавшего невестора сорвавшей джек-пот бывшей цариссы.

А если все же ради меня?!..

Не верилось. Вернее, я с отгонял такие мысли – глупые и невообразимые. Однако интуиция, сволочь такая, была под дых: царице нужен был именно я, никто другой ее не устраивал. Меня – преступника, которого следовало вздернуть на ближайшем суку – привезли, и заблаговременно прогретая машина событий завертелась. Выезд, к которому все было готово, состоялся незамедлительно. Ради меня пощадили привезенных в крепость Зарину, Шурика и дядю Люсика, которым, согласно местным законам, тоже предстояло болтаться на соседних сучьях. Однако...

Однако.

От фактов и сделанных из них выводов бросало в дрожь. Патрули, просеки, вышки, ополчение – все это ради поимки меня?

Нет.

Стоп. Почему, собственно, нет? Хороший понт дороже денег, как говорили в моем мире. И если я пришел к выводу, что цель не оправдывает средства, то ведь не сразу же я к нему пришел, сначала пришлось проплутать в дебрях и тупиках других возможностей. Для Тома, например, цель оправдывает средства. Почему у Верховной царицы, которая выбрала преемницей именно Тому, должно быть не так?

За рекой я узнаю правду. Если враг далеко и все слухи о нем – всего лишь слухи, то...

Думать об этом рано. Нет, думать никогда не рано и, тем более, никогда не поздно. Думать надо всегда. Но для конкретных выводов сейчас у меня не хватало информации. Лишь один из таких выводов, подкинутый интуицией, ныл под сердцем: если, как сказала царица, «без этого человека экспедиция потеряет смысл», то проводником и советником мои роли за рекой не ограничатся. От меня потребуется нечто несусветное, что могу выполнить именно я – вот такой, со всеми своими умениями и непохожими на других тараканами в голове.

Хотелось поговорить об этом. Не получалось. Царица была рядом, но ее все время отвлекали, и я оставался наедине с дикими мыслями. Даже хотелось, чтобы могучий неизвестный враг оказался как можно ближе, то есть чтобы версия о нем оказалась правдой. Потому что иначе...

Не знаю, смогу ли я сегодня уснуть.

Накрапывал дождь. После быстро приготовленного и еще быстрее съеденного ужина половина царберов осталась на посту, остальные и я с царицей отправились спать. Меня роль оберегаемого объекта устраивала: охраняют, кормят, на часах стоять не надо. Не жизнь, а сказка. И если бы не тягостные мысли...

Как же трудно жить, когда чего-то не понимаешь и, главное, знаешь об этом. Лучше не знать. Так счастливы многие супруги, не знающие об изменах своих вторых половинок – если, конечно, изменщики достойны великого звания половинок. Я бы таких «половинок» еще раз половинил, чтобы не позорили слово.

Вот какой я кровожадный на словах. А когда доходит до дела, всегда хочется, чтобы все были живы, здоровы и счастливы. Интересно, как научно называется мое психическое расстройство?

Не знаю. Как не знаю очень многого. И хорошо, что не знаю, если верить библейским мудрецам. «Во многой мудрости много печали» – это приписывают Соломону, мудрейшему из мудрых всех времен и народов. А продолжение у сказанного еще круче: «Кто умножает познания, умножает скорбь». Как говорится, начали за здоровье, кончили за упокой. Обидно, что сказано-то логично и предельно правдоподобно, не придерешься, как бы ни хотелось. А душа протестует.

Хочу все знать и быть счастливым. Вот. Это моя мечта.

Интересно, а такое психическое расстройство как называется научно?

Из пяти установленных в лесу палаток меня разместили в средней, вместе с двумя солдатами. Они легли по бокам от меня, их оружие осталось снаружи. Опять же – для перестраховки. Боятся, что я чего-нибудь отчебучу.

Не отчебучу. Не смогу, даже если позволят обстоятельства. Потому что от моих поступков зависят чужие жизни.

Кстати, спать меня увели самым первым, чтобы не видел, в какую из палаток отправилась царица. С точки зрения безопасности все правильно. С точки зрения доверия – показательно, это говорило, что до настоящего доверия еще как Сизифу до премии за результативность. Человек, который допускает предательство ближних как средство для достижения цели, никогда не поверит, что кто-то не сможет предать просто потому, что организм не позволит языку сказать опасное слово или ноге сделать шаг в пропасть себялюбия. Так многие не понимают Гастелло, Матросова и тысячи... нет, миллионы других, большей частью безвестных защитников чужих жизней ценой своей. Для кого-то закрыть амбразуру грудью нормально и

единственно правильно, для других – неприемлемо и, соответственно, ненормально. Не буду судить, кто здесь ненормален, я свой выбор сделал. Точнее, что-то внутри меня сделало его. Наверное, вот этим самым, что внутри, мы, ненормальные и нормальные, и отличаемся.

Царица меня не понимала, но умело использовала. Потому она и царица. Вот и еще один довод, что хреновый из меня вышел бы царь, выбери я во время судьбоносного совещания другую дорогу. Играть чужими жизнями – не мое.

Башни, цекады, храмы и деревеньки мы проезжали не останавливаясь, все необходимое было с собой, а места отдыха для нас готовили высланные вперед гонцы. Три следующих дня дул пронизывающий ветер, периодически моросил дождик. Настоящая гроза, на которую пару раз намекало небо, так и не состоялась, но балахон на мне промок насквозь, и я впервые оценил и на себе ощутил не только плюсы, но и минусы одежды бойников. Ткань липла к телу, ехать было некомфортно. Ночью я снимал балахон для просушки. Царберы рядом со мной спали в доспехах. Неоднократно сравнивая их с роботами, я ничуть не кривил душой. Пусть у них под латами надеты вещи из ткани и стеганая подкладка, но я, как мне кажется, не выдержал бы жизни в таких условиях. А они чувствовали себя нормально. Человек, как известно из расхожей народной мудрости, ко всему привыкает. Вот еще один пример нормальности и ненормальности. Оказывается, все дело в привычке. Как тебя с детства воспитают или каким сделаешь себя сам – таким и будешь, а все, кто не такие, покажутся ненормальными.

Мы ехали быстро, коней периодически меняли, как на ямских станциях в старые времена – в пути нас всегда ждали готовый обед и свежие лошади, и если бы не спасительные ночевки, то из меня, думавшего, что поездки верхом – дело привычное, душу бы вытрясло.

Разговоры и вопросы в пути не поощрялись. Иными словами, они грубо обрывались, и мои вопросы (например, где мы едем) остались без ответов. Проезжаемые места и башни мне были неизвестны, цвета флагов – неизвестны.

Единственный нормальный разговор, не связанный с дорогой и размещением, когда мне что-то говорили и я покорно исполнял, коснулся цели экспедиции. Затянутое тучами небо посветлело, скошенные поля вдоль дороги раскинулись едва ли не до горизонта, видимость позволяла не бояться засад, которые негде было организовать. Для безопасности в приоритете оказалось наблюдение за тем, что находится далеко впереди и прикрытые тылов. Новые условия заставили до того скупенно двигавшийся отряд растянуться на сотни метров.

У меня на языке висели десятки вопросов, но Верховная царица, как видно, не желала обсуждать что-либо в присутствии солдат. Сейчас появилась возможность поговорить практически наедине, без лишних ушей.

– Мне хотелось бы узнать о крестоносцах как можно больше, – сказал я. – В дороге, пока едем, я обдумал бы информацию и, возможно, вспомнил бы что-то, оттолкнувшись от какой-то новой подробности или по аналогии.

Звук моего голоса напряг царберов, они направили коней ближе к нам. Царица властным жестом вернула их обратно.

– Мыслишь правильно, – сказала она. – Крестоносцы – высокие, беловолосые, белокожие люди крепкой физической формы. Или не люди. Впрочем, об этом позже. Поверх доспехов они носят белый плащ с вышитым равносторонним крестом, украшенным узорами и лучами.

Беловолосые! Вот почему царицу интересовал Юлиан.

– Крест по описанию – в точности как у оружейников, – сказал я. – Не думаю, что это совпадение. Похоже, крестоносцев и оружейников что-то связывает.

– Или оружейники выполняли заказы крестоносцев задолго до того, как те вышли на сцену для остальных. Ищи более простые объяснения, не ошибешься. Но со счетов, конечно, не скидываем ни одно соображение.

– А как понимать «Или не люди»?

– Я сказала, что об этом – позже.

Ладно, подождем. Но заинтриговала так заинтриговала.

– Их очень много?

– Их до смешного мало, в каждом отряде не более двух, остальные – жители завоеванных территорий, которых запугали и принудили к повиновению. Чтобы остаться в живых, принявшие сторону крестоносцев предатели убивают своих не меньше, чем чужих, а в жестокости превосходят хозяев.

– Неужели нельзя объединиться и убить двух чужаков? Не представляю, что мешает местным жителям поступить столь очевидным способом.

– Зря, – кратко резюмировала царица.

Это ответ на мое «не представляю»? Что ж, не буду спорить. Пока. Кстати, предположение царицы насчет торговли оружейников и крестоносцев может оказаться правдой – в случае, если крестоносцы пришли извне, из неких недоступных земель.

– Упомянув крестоносцев в первый раз, вы сказали, что они появились со стороны Дикого поля. То есть, из степей, за которыми находится непроходимая пустыня.

– Так говорит мой источник информации.

Источник. Не источники. То есть, информация, скорее всего, не перепроверена.

– За сотни лет никому не удавалось пересечь пустыню. – Я понизил голос: – Вы считаете, что крестоносцы пришли через другой портал, расположенный где-то в степях?

Мне самому не верилось в это. Любой слух о странных исчезновениях или появлениях людей заставил бы императора Егорыча принять меры. Значит, совсем недавно ничего похожего в степи не наблюдалось. Если допустить, что такой портал действительно существует, то он открылся почти только что?

У царицы мнение было похожее:

– Тоже возможно. Хотя и маловероятно. Но, как уже сказано, со счетов не сбрасываем ни одной из версий.

Становилось все более понятно, зачем царице понадобился именно я – пришелец из другого мира, не веривший в Аллу и осведомленный о невероятных тайнах правителей.

– Вы спрашивали про Юлиана из-за того, что он тоже беловолосый?

Кроме него перед глазами встала Ярослава, и вспомнилось про недавно умершего дедушку Ефросиньи.

– Я думала об этом. Предположение не подтвердилось, наши беловолосые ничего общего с крестоносцами не имеют, они по-другому устроены. Юлиан мне интересен как твой дублер, ради Тома он тоже согласился бы на все.

Вон оно как. Все давно продумано и даже не скрывается от меня. А зачем скрывать? Царица уверена, что я, как трезвомыслящий человек, думаю и поступаю так же – когда это не затрагивает разницы между ней и мной, но когда дело касается любви, я становлюсь ненормальным для царицы, а она для меня.

– Ты бывал в долине и даже выдавал себя за ее жителя. Там много беловолосых?

Я таких не встречал. Нужно ли отвечать правду? У царицы от меня секретов много, пусть и у меня останутся. Правду буду говорить в отношении чего-то жизненно важного или в порядке бартера.

Кстати, больно царапнуло по душе: «Они по-другому устроены». А не вмешательство ли царицы, решившей выяснить кое-какие подробности, привело деда Ефросиньи к внезапной смерти?

– Там хватало всяких. А дедушка царевны Ефросиньи, случайно, не потому скончался, что вы разбирались во внутреннем устройстве беловолосых у нас и за рекой?

Что если моя страшная догадка – вовсе не догадка?

И меня оглушило ответом:

– Он и так прожил больше чем нужно. Значит, ты тоже догадался, что он из долины? Жаль, что укывательницы давно нет в живых. Показательный процесс над ней заставил бы других сто раз подумать. Впрочем, тогда ты не ехал бы сейчас со мной... – Царица помолчала. – Как же все переплетено. Но закон должен выполняться, иначе это не закон. А вместо тебя я нашла бы кого-нибудь другого.

Спасибо за честность. Хотя, нет, прозвучала всего лишь констатация факта. О честности или искренности с правителями даже мечтать не стоит.

Теперь не давала покоя мысль насчет нового портала. Ведь непохожая на местных жителей семья Юлиана, из которой выжили только он и Ярослава, откуда-то прибыла? И пришедший из-за гор дед Ефросиньи, когда его приперли к стенке, мог соврать о своем происхождении. Например, он убедил царицу, что явился сюда из долины, но там я не встречал настолько ярких беловолосых людей. Для своей семьи дед Ефросиньи сформулировал маршрут предельно ясно: «из-за гор», и все. Может быть, он имел в виду не из-за горы, где находится долина, а с другой стороны гор? Там живут оружейники, и тогда все встает на свои места. Пройти неприступные горы невозможно, их можно только перелететь на большой высоте. Значит, вплавь, если умел, или на любом достаточно большом бревне он мог сплавиться по реке или пересечь ее, чтобы пройти вдоль противоположного берега, где, после порогов и стремнины пересечь еще раз, и течение выбросило его к берегу страны башен. Далее – все как с дядей Люстиком и Шуриком: поимка цариссой, которой скучно и хочется новых лиц и ощущений, и внесение в списки вместо кого-то внезапно умершего. А внезапно умирают по законам Аллы чуть ли не ежедневно.

Допустим, Юлиан с Ярославой попали сюда так же, только вместо рискованной цариссы напоролась на человолков. Мужчин, женщин и старших детей из их семьи звери загрызли и съели, младших приняли в стаю. Ярославу вскоре отбили воины одной из царисс, родители странной беловолосой девочки в течение некоторого срока не объявились, и царисса удочерила девочку. Юлиан оставался человолком до встречи со мной и Томой. Все могло быть именно так, но возникает вопрос: откуда же беловолосики появились у оружейников?! Я видел оружейников собственными глазами, ел за одним столом (ну, костром) и с одним из них даже ненадолго подружился. На корабле их было почти три десятка, все как один – черноволосые и чернородые.

Здесь пахло тайной.

И версия о портале в пещере, где долинники хоронили умерших, теряла смысл.

Итого, появление крестоносцев и других беловолосых можно объяснить двумя способами: порталом из неизвестного нам мира в районе деревень оружейников и переходом через пустыню примерно в тот же район. Крестоносцы действительно могли годами поддерживать тайные связи с родами Афониных и Терентьевых, и никто вокруг о них не догадался бы, все остальные жили по другую сторону реки. Появление крестоносного войска именно со стороны степей этой догадке полностью соответствовало – крестоносцам, чтобы о них узнал мир, требовалось только речку переплыть.

Выводы из этого получались ужасающие. Где-то в еще одном параллельном мире или совсем неподалеку отсюда существует цивилизация, о которой мы ничего не знаем. Оттуда бегут люди вроде Юлиана с Ярославой и деда Ефросиньи (Юлиан знал слово «рабство», что говорило о многом), и оттуда же идут теперь завоеватели.

Неизвестный враг – худший враг.

– Проясните, пожалуйста, что значит упоминание «они по-другому устроены», – попросил я.

То, что мне в ответ сказала царица, не лезло ни в какие ворота.

– Они не совсем люди. Или совсем не люди. Они – кто-то, кто выглядит как человек, но человеком не является.

Весело. Чего-чего, а такой глупости я от здравомыслящей правительницы не ждал.

– Ты веришь в мистику? – спросила она.

– До тех пор, пока она согласуется с физикой.

– Значит, и в колдовство не веришь. С одной стороны это хорошо и говорит о твоём психическом здоровье, а с другой... Так и быть, я расскажу, что мне известно, ты все равно примешь сказанное за чьи-то фантазии и сказки. За рекой крестоносцев считают демонами. Я всерьез допускаю, что они и есть демоны. Достаточно факта, что убить их почти невозможно. Вернее, сделать это очень трудно, если вообще возможно. Чтобы убить их физически, нужно сжечь до костей или отделить голову, в других случаях они восстанавливают плоть, отращивают отрубленные конечности и затягивают любые раны. Но даже сожженный на твоих глазах или обезглавленный и разложившийся крестоносец через некоторое время возвращается живым и невредимым. – Царица посмотрела на меня. – По глазам вижу, что не веришь. Могу успокоить: мы едем туда вместе, а это значит, что ты увидишь все своими глазами.

– Спасибо, успокоили.

В голосе царицы, скрытой под маской бойника, прозвучала усмешка:

– Полученная информация тебе очень помогла?

– Хочется вновь спросить, можно ли верить в такое.

– Не можно, а нужно. Тот, кто передал сообщение, чрезвычайно рисковал, и он никогда не обманывал. Ему нет смысла обманывать. Вернее, не было смысла.

Меня передернуло от прозвучавшей поправки. Информация стоила источнику жизни. Очень надеюсь, что оно того стоило.

И все же... Поверить в неуязвимых демонов?

Действительно, такое нужно увидеть собственными глазами. Если что-то кажется необъяснимым, то не оно необъяснимо, а объяснитель плох. Глуп или некомпетентен. Или имеет интерес в продвижении определенной версии.

Для начала не мешало бы узнать, как выглядит заречный мир не по рассказам, а конкретно и в деталях, чтобы строить план противодействия «демонам» с учетом географических плюсов и минусов. Я начал осторожно:

– У нас есть с собой карта мира с княжествами за рекой – с указанием степей, пустынь и других рек? Если есть, мне хотелось бы глянуть. Она поможет понять...

Голос царицы стал жестким:

– Сейчас тебе не нужно знать лишнее. Если что-то пойдет не так, лишние знания сделаю лишним тебя.

– Понял. Спрошу позже.

– Когда потребуется, я сама расскажу.

Глава 4. Лагерь

Четверо суток быстрого передвижения по дороге и еще день по песчано-каменистой пустоши вывели нас к очередному лагерю, размерами отличавшемуся от предыдущих как крепость царицы от башен царисс. Вместо палаток на два-три человека – объемистые шатры, каждый на десяток воинов. Таких шатров в ложине, где, невидимый снаружи, спрятался лагерь, стояло примерно двадцать. В самый большой из шатров, расположенный в центре, отправилась царица, в другой, по соседству, привели меня. На травяном полу в нем лежали сплетенные из тростника узкие циновки, на них спали свободные от работ и вахты солдаты. Наверное, ночная смена. Пять человек. И еще несколько циновок лежали прислоненными к стенке шатра. Мне указали на них:

– Возьми матрас, располагайся в центре. На ужин позовут. После ужина, если не будет других распоряжений, вернешься сюда, на свое место. Уходя, сворачивай матрас и клади к остальным. Без разрешения не выходить, с просьбами обращаться изнутри к часовому у входа.

На ужин позвали примерно через полчаса. Не рог протрубил, не барабан отстучал сигнал и не колокол или зычный голос дежурного возвестил о долгожданном событии – просто в шатер заглянул посыльный и тихо пригласил меня на выход. Как понимаю, громкие звуки здесь не приветствовались. Возможно, даже хозяйка вотчины, на чьей территории располагался лагерь, не знала о его существовании – так же, как цариссы годами не догадывались, где в их лесах и оврагах базируются лесные разбойники.

Все, кого я видел в лагере, кроме себя и Верховной царицы, были царберами, за еще одним исключением. К моему удивлению, здесь оказалась соперница Тома и Варвары на испытании соответствия – Зоя, бывшая царисса, дважды рискнувшая всем ради царской короны и, в конце концов, с треском проигравшая. Сейчас, судя по доспехам, Зоя была воительницей. Единственный цвет ткани, выбивавшейся из-под легких чешуйчатых лат, был желтым. Это мне ни о чем не говорило. Но намекало. Намекало на то же, что и плащи царберов, и флаги над крепостью.

Странно. Разве такое бывает? К тому же, Зоя, насколько помню...

Испытание завершилось для нее бесславно, амбициозная молодая царисса заблудилась, навлекла на себя позор, и вынесенный вердикт звучал так: «Соискательница высшего звания обязана знать и уметь все, что требует от подчиненных, потому царисса Зоя снимается с испытания на соответствие преемницы и лишается всех имевшихся титулов и привилегий. Чтобы не осталось возможности пользоваться ими по праву родства, бывшая соискательница немедленно отбывает в сестры на послушание, пока не будет вынесен окончательный приговор о ее дальнейшей судьбе».

Вместо красного плаща святой сестры на Зое была одежда воительницы и цвета Верховной царицы. Разве у правительницы есть свои воительницы? Что ни день – новые тайны. Как же много я не знаю о мире, в котором живу. Сделаю в мозгу пометочку на будущее: спросить про Зою. Лишь бы хватило времени спросить обо всем, что собирался, пока что-нибудь не случится. А оно обязательно случится, по-другому в жизни не бывает.

Быстро темнело. Сегодня мы, наверное, уже не двинемся дальше. После того как тучи ненадолго разошлись, ветер, будто смеясь над нами, пригнал новые. После ужина, прошедшего под начинавшимся дождем, разнесся приказ полчаса отдыхать, после чего готовиться к выступлению.

Отправляться в поход во тьме? Надо сказать, весьма необычное решение, если учесть местный менталитет. Что-то подвигло, и вряд ли причиной стало наступление врага, иначе приказали бы готовиться к обороне. Похоже, мы недалеко от реки, а это значит, что форсирование водной преграды состоится сегодня. Погода располагала – в дождь видимость падала

почти до нуля. Думаю, царица будет подгонять нас, чтобы успеть переправиться до того, как тучи унесет.

Подготовка включила в себя очередное переодевание. Мне выдали комплект доспехов – такой же, в какой облачились все: царберы, Зоя и сама Верховная царица. Помнится, в свое время меня удивило отличие формы погранцарберов от обычных солдат. Тот же тяжелый непробиваемый доспех у пограничников вместо глянцевого был матовым, а у плаща парадной желтизной сияли только внутренности – наружный слой маскировал владельца цветом грязной зелени в коричневых разводах. Сейчас мы оделись в нечто похожее, но более легкое и простое. Вместо массивной брони каждый облачился в кожано-льняные доспехи: при качественном исполнении и достаточной толщине они противостояли холодному оружию не хуже металла, а при ходьбе и беге не производили стука и лязга. Только движения следовало выверять, чтобы кожаные части при соприкосновении не скрипели. Итого получилось нечто похожее на доспех войника, но более легкий. Его дополнили кое-какой рыцарской амуницией – идеально, чтобы прятаться и передвигаться быстро, скрытно, а главное, в отличие от тяжеловооруженных царберов в их обычном снаряжении, практически бесшумно. Шлемы, наконечники копий, щиты, ножны и рукояти мечей покрыли матовой темной краской. Ни один блик не выдаст такое засевшее в засаде войско. Кроме глаз. Но глаза оставались в тени налобников, наносников и нащечников шлемов. Волосы султаны были загнуты назад, если допускала конструкция, или вовсе сняты. Можно подкрасться к врагу вплотную, он даже не заметит.

Также каждый участник экспедиции получил рюкзак из грубой ткани, покрашенной в те же цвета боевого камуфляжа. Внутри были продукты и различное снаряжение вроде веревок и надеваемых на ноги шипов. Похоже, нам предстоит где-то карабкаться. Любопытно, в какую сторону отправится экспедиция. План у царицы, судя по всему, есть. А что сделал бы на ее месте я?

Я бы шел напролом – до тех пор, пока не появится некоторая информация. У царицы нужные для планирования сведения, похоже, в наличии имелись, но пока держались в тайне.

Теперь наш экспедиционный корпус напоминал нечто среднее между регулярным войском и бандитской шайкой, которая скрывается от упомянутого войска. Наверное, так выглядит местный спецназ. То есть, мы – отряд особого назначения, подразделение для выполнения специальных операций. Кстати, для похода в долину царица готовила отряд альпинистов, так почему бы для форсирования реки под очередную конкретную задачу не выдрессировать боевых пловцов? Мне же неизвестно, какую подготовку прошли собранные в лагере царберы.

Количество выстроившихся к походу солдат впечатлило. Пятнадцать десятков. Полторы сотни отборных воинов – огромная армия по здешним меркам. Когда такое войско действует слаженно (чему царберов учили с детства), ему мало кто и что сможет противостоять.

Можно пройти известный мир от края до края. Конечно, удержать большие территории не удастся, но захватить и разграбить – легко. Под угрозой новых набегов можно принудить в выплате дани. Вдруг у царицы на уме именно это? Ведь что-то там, у нее на уме, неведомое для всех, было. Я уверен, что всех нас впереди ждет сюрприз. Уверен просто потому, что такие люди, как царица, всегда ведут двойную игру, даже когда не требуется. Они боятся, что прямой план встретит явное или скрытое сопротивление, а когда цель неизвестна, то подчиненные, как винтики в механизме, четко выполняют свою часть плана, встроенного планировщиком в более сложный план, думая, что делают что-то другое.

Меня нервировало еще кое-что. Что-то смутное, не поддававшееся определению. Это были не проблемы пересечения реки огромным воинством (царица наверняка уже что-то предприняла по этому поводу) или восприятие жителями противоположного берега нашей ночной экспедиции как налета – фактически, объявления и развязывания войны. Нет. Я не понимал мотивов царицы. Заявленное мне «Узнать, кто такие крестоносцы, и, если получится, заключить с ними соглашение о ненападении» спокойно решается другими способами – шпиона-

жем и отправкой посольства. Вооруженное вторжение никоим образом не выглядело желанием договориться. Разве только с позиции силы. Но тогда зачем нужны рассказанные мне сказки про неуязвимых бессмертных демонов, которых даже огонь не берет? Если ни меч, ни огонь с ними не справятся, то количество собранных солдат на результат не повлияет.

К тому же, уведя с собой такую армию, где собраны, ничуть не сомневаюсь, лучшие из лучших, царица основательно обескровит страну башен. Что делать Томе, если враг нанесет ответный или одновременный удар? Двадцати четырех царисс с мужьями и войниками, ополчения, святых сестер и оставшихся царберов, как мне кажется, было бы достаточно, чтобы противостоять парочке объединившихся заречных княжеств, но даже кольчуги и стальные мечи сестричества не спасут от единственного неубиваемого демона.

Кстати, улыбнуло: демоны-крестоносцы. В моем мире саму идею засмеяли бы. Демоны, как принято в кино и литературе, должны бояться креста. Их символ – пятиконечная звезда. Читатель и зритель привык к этому, как к запаху попкорна в кинозале. И никто не задумывается, что на крыльях бомбовозов и боевых ракет трех способных уничтожить Землю ядерных держав мира нарисованы именно пятиконечные звезды. Население каждой из них почитает свою страну за империю добра, а противника (то есть, экономического конкурента, выдаваемого за идейного, поскольку может уничтожить и выбросить на свалку истории) – за олицетворение зла.

Не в символах дело. Например, трем шестеркам – обычным цифрам, поставленным в ряд – можно приписать самый что ни на есть сатанинский смысл, но даже в Священном Писании есть страница номер шестьсот шестьдесят шесть, и никому в голову не придет считать написанное там происками лукавого. Дело в наших мозгах. Это мы придаем знакам смысл. А крест, кстати, тысячелетиями во множестве культур считался солнечным символом.

И снова кто-то возмутится: не могут, мол, демоны быть олицетворением света.

По-моему – могут. Потому что мы не знаем, кто же они такие – эти самые демоны. Библейский дьявол изначально был ангелом, даже имя Люцифер переводится с латинского как «несущий свет».

Короче, плевать на знаки и знамения, на символы и суеверия. Надо верить фактам. Факты говорят одно: царица уверена, что крестоносцы неуязвимы, но она ведет против них хорошо подготовленное войско. Пусть я не семи пядей во лбу и других местах, но даже мне кажется очевидным, что у логической цепочки, чтобы сложиться, не хватает главного связующего звена.

Остается ждать и надеяться, что правительница придумала что-то дельное.

В путь мы двинулись пешком. Лошадей и лагерь оставили без единого человека, просто бросили. Это еще один любопытный факт, который не укладывался в мою логику. Единственное, что пришло в голову: путь назад не предполагался. Или царица уверена, что вернутся не все. Или не сюда. Но зачем бросать лошадей и чудовищное количество снаряжения?!

Мы двигались во тьме под дождем, вытянувшись в длинную колонну. Зоя шла где-то позади, а меня по-прежнему держали рядом с правительницей. Еще бы, «Он, – как было обо мне сказано, – должен прибыть на место целым и невредимым». А где безопаснее всего, как не около главной ценности страны – то есть, рядом с Ее Величеством?

Минут через двадцать впереди заблестела вода. Большая вода – так говорят местные, для которых глубокая широкая река – нечто вроде непреодолимого океана. В том месте, куда мы направлялись, обрывистый склон ветвисто прорезали овраги, и один из них, залитый водой, образовал заросший густым лесом заливчик. Часть залива не просматривалась ни с нашей стороны, ни с противоположного берега, перекрытая холмами. Такую бухточку грех не использовать под порт или прибрежный город-крепость. Если бы в стране башен не боялись воды, то, зуб даю, давно бы так сделали. Увы. Через воду, при желании, можно сбежать, поэтому проще запретить приближаться к воде, не учить плавать и запугать ужасными «пожирателями». Эта-

кий железный занавес для всех, кроме правящего класса в лице «ангелов». Они-то, я ничуть не сомневаюсь, плавать умели все.

Я рискнул заговорить с правительницей.

– Интуиция подсказывает, что в бухточке нашу армию ждет транспорт.

– «Армия» и «транспорт» – громко сказано, но в принципе верно. Надо переправиться, пока не кончится дождь.

– Почему не подождать сильного тумана? Видимость – ноль, и промокать не пришлось бы.

– Переправляться в тумане опасно. Несколько дней назад на ту сторону отправились два разведчика, недавно они просигналили, что все в порядке. А в тумане мы можем напороться на кого-нибудь случайно. Я предпочитаю действовать наверняка.

– Разведчики умели плавать?

– Их сплывили по течению в том месте, где Большую воду пересекли вы с Марианной. Переправляли на связанных бревнах, в туман. Ни наблюдателей-«глядельцев», ни войск, ни вообще кого бы то ни было на той стороне нет. Из вышедших к берегу беженцев часть пыталась переправиться сюда к нам и была убита, остальные ушли назад или дальше вдоль реки. Разведчики пробрались выше по течению, проверили берег и сейчас ждут сигнала на той стороне прямо напротив нас.

Чем ближе мы подходили к реке, тем разговорчивее становилась правительница. Видимо, ей тоже хотелось рассказать все, что мне может пригодиться для дела. От необходимости ждать, когда получение мной информации перестанет быть опасным, она страдала так же, как я от отсутствия информации.

Промокшие, мы шли по раскисшей земле, со шлемов текло, сапоги чавкали и не хотели вылезать из грязи, требуя бросить их и дальше идти налегке. Где и как теперь сушиться – не представляю. Разве только в бою. Хорошо было с бойничьим балахоном – снял, посушил у костра, и вот оно – счастье.

Кстати – вопрос.

– Почему мы не выехали из крепости сразу в одежде бойников?

– В крепости нет бойников. Показывать лицо должен каждый, от стража на стене до правительницы.

Про бойников понятно, теперь выясню про войников.

– Зоя теперь ваша войница?

– Кроме близкого круга, то есть мужей и детей, у Верховной царицы нет отдельной семьи, ее семья – весь народ, о котором она заботится. Зоя – кандидат в штат крепости, для этого я забрала ее из сестыря.

А мне кажется, что не только для этого. Когда-то и меня забрали из невестория по повелению царицы, так как появилось дело, которое другим было не по плечу. Теперь то же самое произошло с бывшей цариссой, известной своими упорством, больше похожим на упертость, и умением рискнуть всем ради цели. Наша экспедиция – отнюдь не для работников крепости, сюда собрали специалистов в необходимых областях: царица – мозговой центр, царберы – пушечное мясо, я – исполнитель конкретного задания, о котором пока ничего не знаю, но которое без меня может провалиться. Зоя...

– Зоя – запасной вариант, если со мной что-то случится? – догадался я.

Царица хмыкнула с неким удовлетворением:

– Тебя правильно охарактеризовали: схватываешь на лету и легко вычленяешь главное. Очень ценное качество. Я рада, что ты появился вовремя, без тебя все могло пойти по-другому.

– Несмотря на лестный отзыв, вы по-прежнему допускаете, что я не справлюсь. Или что откажусь. Мне предстоит совершить нечто, что противоречит моим принципам?

– Не так. О конкретике мы поговорим уже скоро, пока скажу одно: дело, которое тебе будет поручено, по силам не каждому. Люди легко ломаются, когда препятствия кажутся им непреодолимыми. В таких случаях они могут обозлиться на того, кто послал их сделать эту работу. Чтобы в момент, когда я не смогу помочь или проконтролировать, работник не сошел с дистанции, у меня должны быть рычаги влияния на него. У Юлиана, который тоже подходил для этого дела, слабое место – любовь, у тебя – верность, у Зои – амбиции. Кстати, именно поэтому она не прошла испытание. Из трех соискательниц титула преемницы Тома оказалась самой подготовленной. Там, где Варвара послала бы другого, Зоя ринулась бы делать сама.

– А Тома?

По-моему, как раз Тома послала бы другого. Когда рядом был я, то, однозначно, меня.

– Тома сделает все правильно. Она подумает, нужно ли что-то делать, и если нужно, то создаст ситуацию, в которой другие сами бросятся ей помогать. Она очень способная.

«Моя школа», – гордо вертелось на языке. Понятно, что я промолчал. Со стороны наши с Томой совместные успехи выглядели как мои подвиги под ее мудрым руководством. Пусть так и останется. Ее невероятная мечта возвыситься осуществилась, а я все еще жив – то есть, у нас обоих сейчас все замечательно. Не надо толкать систему, так долго устанавливавшуюся в хрупком равновесии. Обрушится – плохо будет всем.

– Если Тома не справится в ваше отсутствие или с ней что-то случится – кто ее заменит?

До сих пор я знал всего один вариант. Варвара Дарьина. Теперь может оказаться, что Зоя вновь вступит в борьбу за престол. В обмен на согласие выполнить что-то трудное и для других невозможное ей могли пообещать именно эту перспективу. Но пообещать – не значит сделать, об этом нужно помнить, когда имеешь дело с теми, кто сильнее.

Прежде чем ответить, царица на миг оглянулась вокруг, убеждаясь, что никто не слышит:

– Думаешь, только ангел может править страной? Иногда царицами выбирали местных.

Приходилось долго присматриваться, обучать, наводить на правильные мысли. Воспитание не всегда давало результат. Одна царица пыталась свергнуть ангелов, другая чуть было не отменила законы Аллы ради собственных, которые от страны не оставили бы камня на камне. Ангелы предпочтительнее, но тоже не всегда устраивают, а болезнь юных правительниц – чрезмерный энтузиазм. Обычно он нивелируется Советом и принятыми заранее мерами. Иногда молодых цариц приходится осаживать, чтобы не натворили бед. Со мной такое тоже было, поэтому я знаю, о чем говорю. Сейчас мне за былую горячность стыдно. Кстати, слово «нивелируется» тебя не смутило?

– Нормальное слово.

– Приятно, когда тебя понимают. У меня и у других часто вырываются слова и выражения, не принятые в этом мире.

– Употребляя непонятные людям новые слова, вы приучаете их к тому, что неизвестных слов много, и постепенно люди перестают реагировать на каждое. Люди ко всему привыкают, даже к непонятному.

– Все же удивляюсь, что тебя и твоих друзей не разоблачили раньше. Значит, что-то в системе не так, если такое возможно. Надо усилить меры безопасности. Думаю, Тома уже работает в этом направлении. Из нее получится хорошая царица. Уже получилась.

Получилась? Ну-ну. А не устроит ли Тома государственный переворот в отсутствие хозяйки? Это вполне в ее духе: прибрать власть к рукам, а потом предать того, кто помог. Тогда на обратном пути нас встретят ловушки, а предъявленные обществу наши трупы будут представлены в качестве жертв налета пожирателей. Тома способна на большее, чем думает царица, и никакой Совет ей не помешает. Насмотревшись местных интриг, Тома сделала выводы, теперь ей сам черт не брат. Впрочем, раз уж я здесь считаюсь чертом, то черт ей, ангелу, к сожалению, брат. Если понадобится, она это исправит, благо, возможности появились. Например, случись царице погибнуть в экспедиции, в ее смерти можно обвинить затесавшегося в отряд

черта. Одним выстрелом – двух зайцев. И приставка «заместитель» больше не будет мешать в дальнейших играх с архисестриссой и Советом для еще большего упрочения власти.

Ну и мысли. Плохо, что в них нет ничего, что не могло быть правдой.

Я постарался отвлечься.

– Мы, вообще, планируем возвращаться?

Царица покосилась на меня:

– Что навело тебя на столь дикую мысль?

– Не понимаю, почему лошадей и лагерь бросили без присмотра.

Глава 5. Переправа

– После нашего ухода шатры и лошадей уберут, для этого придут специально вызванные люди. Не нужно, чтобы кто-нибудь узнал, что там происходило. Для тех, кто будет наводить порядок, это был просто лагерь царберов, которые ушли на тренировку или на особое задание. Никаких мыслей о том, на какое задание они ушли, ни у кого возникать не должно, и тем более не должно возникнуть никаких глупых слухов.

– А как отсутствие правительницы объяснят народу?

– Не надо думать о том, что тебя не касается.

Разговор прекратился – мы подходили к заливу. Открылась причина, зачем мы пришли сюда. На берегу, скрытый от чужих глаз, между деревьев стоял вытасченный на траву корабль. Точнее, челн, как говорят за рекой, а челн был именно оттуда – торговый, напомнимший мне незабвенный «Тазик», только без мачты и загнутых деревянных коньков спереди и сзади. Мачта и коньки прежде были, но их зачем-то срубили – даже с расстояния виднелись следы недавней работы топора.

Передовые части отряда, растянувшегося почти на километр, уже спустились к кораблю, где навстречу им вышел охранник. Это был не царбер, а какой-то воиник, причем из семьи, где даже воиника могли приодеть в чудесные доспехи – их изящество и красота отмечались издали. Наверное, это не воиник, а какой-нибудь царевич – на принца стражник не походил возрастом, напрямую говорившим о зрелости. И почему «стражник»? Скорее, хранитель корабля – великого чуда света для этой стороны реки. Царберы обращались к стражу-хранителю с почтением, он принимал их отношение как должное и показывал что-то сложенное рядом с кормой. Это оказались крепкие шесты, которыми царберы, навалившись как рычагами, мелкими толчками сдвинули корабль в воду.

Стражник-хранитель нашел взглядом царицу и направился в нашу с ней сторону. С Зоей, одетой почти так же, он ее не спутал. Видимо, знал лично. Или правительницы не ходят в рядах замыкающих. Я все еще строю логические догадки там, где истина кроется в сложившихся веками традициях и проверенных веками же способах выживания. По правде говоря, в большинстве случаев это одно и то же. Глупыми и необъяснимыми традиции становятся в зажавшихся обществах, и такие общества долго не живут.

– Приветствую. – Страж склонился на одно колено и опустил голову.

– Здравствуй, Ларик. – Царица жестом приказала ему подняться и по-родственному приобняла. Какая-то теплота ощущалась в этих объятиях. До меня дошло: Ларик (сокращение от Иллариона или здесь это нормальное имя?) – один из мужей правительницы. – Сигналы прежние?

– Показывают, что все чисто.

– Катапульта готова?

Ларик (мне странно было так называть серьезного дядю лет за сорок, бородатого, с пробивавшейся сединой) махнул рукой влево, на лесистый склон высокого берега:

– Собрана и пристреляна.

– Начинаем.

Жестом, разрешающим удалиться, царица отпустила Ларика, и тот поспешил в сторону, где пряталась катапульта.

Царберы отмыли сапоги от походной грязи и теперь топтались в нескольких метрах от привязанного к берегу покачивавшегося на воде судна. Во взглядах мелькало не то чтобы страх, а неприязнь. Я понял, что пловцы из них никудышные, такому их не обучали. На лицах читалось внушенное с детства: «Вода – смертельный враг».

Царица обернулась ко мне:

– Ты плавал на кораблях. Покажи пример.

«Плавал». Я усмехнулся. Плавает... гм. Поправлять, что корабли ходят (еще точнее – не корабли, а суда, поскольку корабли грузовыми не бывают), думаю, не стоит. Царица сказала «плавал» – значит, плавал, и мы все теперь тоже поплывем.

Жаль, конечно. Известно ведь: как лодку назовете, так она и поплывет.

О, лодка из поговорки – плавает. А корабли и суда – ходят. При первой возможности (как же я на нее надеюсь!) проконсультируюсь у моряков, с какого размера плавающий начинает ходить. Вот ведь, это же почти иллюстрация эволюции древних организмов из учебника биологии.

И еще. Здесь говорят «корыто», но из уст царицы прозвучало родное «корабль». Спасибо хотя бы за это. Мелочь, а приятно.

– Корабль попал к нам из гущи боя? – спросил я.

– Он цел и невредим. Пора грузиться.

– Невредим? А кому мешали мачта и коньки на носу и корме?

– От них избавились. Управляться с парусом не придется, бороться против волн – тоже, в результате уменьшились визуальные размеры – со стороны не так бросается в глаза.

– Весла есть?

– Внутри.

Я вошел в воду. Около корабля, широкого и плоскодонного, воды мне было по грудь. Даже невысокая Зоя дойдет, ей будет чуть выше шеи. Ничего, попрыгает. Остальной отряд состоял из высоких царберов и достаточно высокой же царицы, они пошли в воду вслед за мной. Я взобрался на борт по веревочной лестнице, свисавшей с левого борта у кормы. Внутри лежали длинные весла, рассчитанные на двух гребцов каждое. Не перегрузить бы корабль, чтобы не попасть в ситуацию Селиверста, оказавшегося между двух огней из-за желания взять на борт много товара.

Я сказал царице, уже стоявшей рядом со мной:

– За один раз лучше брать человек тридцать-сорок, иначе сядем глубоко и потеряем в скорости, и каждая мель будет нашей. По четверо в шесть рядов – на весла, еще несколько пусть расположатся ближе к корме.

– Слышали? – Царица обернулась к солдатам. – Четыре десятки со мной, остальные – следующими рейсами.

Четверо десятников рассадили солдат на весла. Через несколько секунд корабль начал движение – некультяпистое, разболтанное, но с каждым гребком все более ровное и уверенное.

Я с интересом наблюдал, как подают сигнал отправленным на другой берег разведчикам. В принесенный с собой деревянный ящик насыпали какого-то порошка, открытой стороной ящик обратили к противоположному берегу, царица чиркнула огнем. От искры порошок вспыхнул, полыхнуло красным. Благодаря загораживающим стенкам ящика сигнал получился направленным.

На другом берегу сверкнул такой же огонек, только оранжевый. Мы двинулись прямо к точке, откуда нам просигналили. Гребцам приходилось прилагать усилия – течение норовило снести корабль с прямой траектории. Это вызвало вопрос царицы:

– Сколько человек нужно, чтобы на обратном пути корабль не унесло в сторону?

Я пожал плечами:

– Думаю, хватит шести... но лучше – восемь. Чем больше, тем получится быстрее.

– Лукерий. – Царица подозвала одного из десятников. – Твои вернутся за следующей партией.

– Будет сделано.

Я поинтересовался:

– А если разведчиков захватили, и сигнал подает враг?

– Цвет сигнала они не выдали бы даже ценой жизни.
Надеюсь, она знает, что говорит. Потому что иначе...

Здесь, на корабле, меня, наконец-то, вооружили. Вместо меча или копья мне вручили лук со стрелами. И никто не посмотрел косо. Когда на кону выживание, законы и традиции отходили на второй план. Каждый хотел вернуться назад живым, и если кто-то почему-либо умел обращаться с запрещенным в стране оружием, то это способствовало выживанию группы и, соответственно, полностью поддерживалось окружающими. Слабый человек – мертвый человек, говорит местный закон, а слабое общество – мертвое общество. А быть слабым – предательство. Обожаю местные законы, когда они используются не в вывернутом наизнанку смысле, а в том, в каком задумывались.

Еще я упрямил выдать хотя бы нож, чтобы не оказаться беззащитным в ближнем бою. Царица приняла аргумент, и мне дали узкий граненый кинжал. Что же, это намного лучше, чем ничего. Не резать, так колоть. Тоже, кстати, признак прогресса, как и камуфляж. В свое время меч превратился в шпагу, когда поразить одетого в латы тяжелого рыцаря стало возможным только уколом в отверстия и в сочленения между пластинами. Мой нож напоминал мизерикордию, которой добивали поверженных рыцарей – помятых мечами, копьями, топорами и булавами. При встрече с тяжеловооруженным противником мне, чтобы победить, придется его обезоружить и повалить. Любопытно, как царица себе это представляла. Наверное, она считала, что ее и меня от рукопашной схватки охранят другие. Хотелось бы верить.

Гребцы успешно справлялись с течением, уносившим корабль вправо, и вскоре мы чиркнули дном по отмели у берега. Царберы схватились за оружие – не поняли, что происходит. Насколько же они далеки от всего, что связано с водой. Даже жалко их стало. Здоровые дядьки, а на воду смотрят как на что-то сверхъестественное, непонятное и враждебное.

Я первым прыгнул в воду:

– Здесь неглубоко, чуть выше пояса. Прыгайте. Разгруженный корабль приподнимется и сойдет с мели.

Лишь после того, как вслед за мной первая десятка вышла на берег и встретила с вышедшими навстречу разведчиками, последовал сигнал десятника, по которому вместе с еще двадцатью солдатами с корабля сошла царица. Лукерий со своей десяткой отправился в обратный путь.

Еще подходя к реке я понял, где мы находимся. Переправа осуществлялась в уже знакомых мне землях Западной границы, в широкой части реки недалеко от стремнины, охраняемой маленькой крепостью, где бесславно закончил дни император Егорыч. Будь сейчас светло, слева мы увидели бы высокие скалы с отвесными стенами.

Дождь напоследок облил нас мощным шумным водопадом и прекратился. Ветер медленно гнал тучи к югу. Царица, сидевшая рядом со мной во тьме под сенью деревьев, стала нервничать. Видимость все еще была минимальной, но если выглянут звезды или, что еще хуже, луна...

Вторая партия выгрузилась в течение получаса. Уставшая десятка Лукерия сошла на берег, обратно отправилась другая, не сидевшая на веслах по пути сюда.

Мне хотелось поговорить. Одновременно я мог отвлечь царицу, то и дело глядевшую на небо, от тяжелых дум. Не получилось. После первого же слова меня заткнули приказом соблюдать тишину.

Мне, до сих пор только и делавшему, что скрывавшемуся то от одних, то от других, как знатоку процесса казалось, что тихий шепот не повредит. Если противник заметит нас, то, скорее, по шуму передвижений или снующему через реку судну, чем по тихо сказанным словам, неслышимым даже солдатами по соседству. Но приходилось подчиняться. Я вместе со всеми смотрел, как прибыла третья партия, и корабль отправился за четвертой. Небо за это время почти очистилось. Еще немного, и на севере проявятся первые звездочки.

Когда корабль с четвертой партией подходил к нашему берегу, царица с облегчением выдохнула:

– Небеса на нашей стороне.

Она глядела вверх. От ставшей, наконец, различимой громады гор, в темноте воспринимаемых черной стеной, напознала новая туча, и из нее лило, как из ведра.

Над нами дождь снова начался, когда выгрузилась четвертая партия. Корабль отправился за последней. Прояснившийся было мир опять скрылся в шумящем мраке. Солдаты жались к деревьям, но в этом не было смысла – каждый и без того давно промок до нитки. Укрыться хотелось лишь для того, чтобы не текло по лицу и каждые несколько секунд не приходилось протирать глаза.

Когда загрузившийся корабль показался на середине реки, из-под соседних деревьев один из солдат вскрикнул:

– Справа!

В одном из киножастиков, виденных мной в прошлой жизни, из шумящего штриховкой телевизора выползала девочка, душу зрителя при этом переполняла иррациональная жуть, животный страх порождал желание бежать и прятаться. Сейчас, вызывая такие же чувства, из пелены дождя так же появился веретенообразный челн. Я таких не видал. Я даже не представлял, что такие существуют, он словно сошел со страниц книг в жанре киберпанка, где мечи и доспехи соседствуют с электротехникой, а магия – с паровыми машинами и полетами на дирижаблях. Обводами напомнивший помесь паука с вытянувшимся в струнку червем, челн был обшит металлом или весь сделан из металла. Как и у нашего корабля, у него не было мачты и торчавших кверху загогулин на носу и корме. Нижняя часть представляла собой обычную большую лодку с множеством весел, сверху ее покрывал округлый навес из металла, похожий на крышку мыльницы, но с выпуклостью в задней части. По металлическому навесу дождевая вода скатывалась сразу за борт. Весла крепились в специальных уключинах в боковинах под навесом, поверхность между проемами для весел казалась рябой из-за мелких отверстий, оставленных для дыхания и ориентации. Такие же отверстия окружали по периметру заднюю выпуклость, которая, как понимаю, служила рубкой, где находились капитан и, возможно, стрелки. Правда, изнутри стрелять вряд ли получится – внутреннего пространства, чтобы натянуть луки, было мало, и амбразуры для прицельного огня по движущимся целям не подходили. До создания огнестрельного оружия конструкторы металлического корабля, надеюсь, не дошли. Очень надеюсь.

Таинственный корабль больше всего напоминал весельную подводную лодку, у которой рубку сдвинули на корму.

Грубо говоря, перед нами был водяной танк. Стрелы и копья его не пробьют, и при сближении на палубу не прыгнешь – она скрыта под гладким корпусом из листовой брони. Плавающий танк был неповоротлив, сидел глубоко и не имел другого вооружения, кроме скрытого под водой острого носа. Ничего другого ему не требовалось, его строили для единственного удара, который гарантированно отправит противника на дно.

Бронзовая горбатая сороконожка скользила по вспучивавшейся от дождя глади воды со стороны стремнины. Встреча была неизбежна. Наш груженный последней партией корабль шел тяжело, он добрался только до середины реки и теперь не успевал ни вперед, ни назад. Солдаты на борту готовились к бою – по команде они закрылись щитами так, чтобы ни одна стрела не проскочила. Когда расстояние позволит, щиты распахнутся и в противника полетят копья.

Что бронированной лодке до копий? Новый противник требовал новых умений. Вымуштрованные быть лучшими воинами своего мира, царберы не знали, как бороться с техникой, созданной, скорее всего, умами другого мира. Или местными гениями, что тоже допустимо. Самое простое обычно оказывается правильным. Впрочем, чудеса случаются, иначе меня бы здесь не было.

– Сигнал! – выдохнула царица.

Закрывая от противника, уже знакомый мне ящик направили в сторону противоположного берега, царица что-то насыпала туда, чиркнуло огниво. От вылетевшей искры ящик на миг озарила синяя вспышка.

Примерно через минуту с берега выстрелила катапульта. Судя по подожженному фитилю на прочертившем небо снаряде, она метала местный аналог коктейлей Молотова – емкость с горючей смесью.

Первый снаряд не долетел до цели метров десять и сгинул в водах. Меня удивила дальнобойность. Любопытно, а можно таким способом перекинуть что-то через реку?

Вряд ли. Будь это возможно, катапульти всех видов и размеров давно стояли бы по обе стороны реки и обменивались взаимными ударами. Ширина реки спасала жителей от бессмысленной бойни.

Второй снаряд, запущенный еще через минуту, задел мокрую верхушку навеса и перелетел через него. Катапульти действительно хорошо пристреляли – насколько это вообще возможно. Точностью и эффективностью такого рода аппараты не отличались, иначе метательные аппараты завоевали бы мир задолго до пушек.

Кстати, бронзовую пушку можно отлить и при местном уровне технологий. Но на что она годится без пороха? Думаю, Клуб Землянок не отказался бы от огнестрельного оружия для защиты страны и, в первую очередь, себя. Факт, что пушек, ружей и пистолетов здесь не было, говорил, что для изготовления пороха не доставало составляющих. Будь торговые связи между народами более налаженными, проблема легко решилась бы. Кто первым сделает порох, тот завоеует мир.

Впрочем, кто-то и без пушек придумал, как более эффективно убивать в давно знакомых условиях. Водный танк имел множество недостатков, его опрокинет даже незначительная волна, или, если он сидит достаточно глубоко, любая мель станет для него последним пристанищем. И горючая смесь катапультного снаряда, если бы растеклась по корпусу, заставила бы экипаж спастись от жара и дыма. И днем, наверняка, навес так сильно нагревался солнцем, что для боевых операций выбирали сумрак и даже, как сейчас, ночную тьму. И против течения бронированный весельный корабль должен двигаться настолько медленно, что вместо таранного удара по вражескому судну получилась бы мягкая стыковка. В общем, не идеальное оружие, как показалось на первый взгляд, а сплошное недоразумение.

Но бронированный монстр на всех веслах шел по течению. Нам просто не повезло.

Скорострельностью береговой коктейлемет не отличался, и третьего выстрела не последовало: бронзовое чудище приблизилось к нашему кораблю, и можно было попасть в своих.

Мощный удар приподнял корабль, раздался страшный треск, и деревянный корпус развалился.

Мы смотрели с берега. Предраассветный сумрак и дождь скрывали многое, но не все. Люди сыпались в воду, хватались за плавающие обломки. Тяжелые весла бронированного монстра добивали их. Доносились крики и захлебывавшийся вой.

Через полминуты все было кончено.

От наступившей тишины стало жутко. Сорок человек. В том числе – Зоя, всю жизнь рвавшаяся вверх и так бесславно опущенная судьбой вниз. На самое дно.

Водный танк кружил на месте побоища. Иногда какое-то весло поднималось... и столь же медленно опускалось: добивать было некого. Из сорока человек никто не умел плавать.

Царица молча глядела на реку. Солдаты вокруг нас ждали приказа. Приказа не было.

Я не понимал, почему мы не бежим и не прячемся:

– Не лучше ли нам уйти от берега как можно дальше?

Я ставил себя на место капитана водного танка. Первое, что должен сделать нормальный командир, когда обнаружит переправу врага – уничтожить врага любым способом.

– На берег никто высаживаться не будет. – Царица глядела, как одетый в бронзу корабль завершил последний круг и, убедившись, что живых не осталось, медленно двинулся вниз по течению.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.